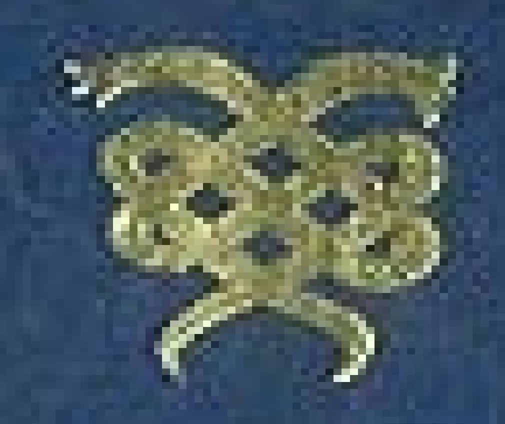
РЕНЕ ГЕНОН

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ И КОСМИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ

КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО МИРА

Annotation

В книге, помимо исследования о космических циклах, есть работы об Атлантиде и Гиперборее, а также тексты о древнееврейской, египетской и греко-латинской традициях. Традиционные космологические знания, содержащиеся в данной книге, составляют, несомненно, труд, не имеющий аналога ни на одном языке мира. Актуальность этих работ, созданных в первой половине 20-го века, сохраняется и в наше время.

- Рене Генон
  - НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ УЧЕНИЯ О КОСМИЧЕСКИХ ЦИКЛАХ[1]
  - РЕЦЕНЗИИ
    - Мирча Элиаде: МИФ О ВЕЧНОМ ВОЗВРАЩЕНИИ. АРХЕТИПЫ И ПОВТОРЕНИЕ[2]
    - Гастон Жоржель: РИТМЫ В ИСТОРИИ[3]
    - Гастон Жоржель: РИТМЫ В ИСТОРИИ[4]
  - АТЛАНТИДА И ГИПЕРБОРЕЯ
  - МЕСТО АТЛАНТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В МАНВАНТАРЕ
  - НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ОБ ИМЕНИ АДАМ
  - КАББАЛА
  - КАББАЛА И НАУКА ЧИСЕЛ
  - «ЕВРЕЙСКАЯ КАББАЛА»[41]
  - LE SIPHRA DI-TZENIUTHA
  - РЕЦЕНЗИИ
    - Марсель Бюлар: СКОРПИОН, СИМВОЛ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА В РЕЛИГИОЗНОМ ИСКУССТВЕ XIV, XV И XVI ВЕКОВ[43]
    - Сир Шарль Марстон: БИБЛИЯ СКАЗАЛА ПРАВДУ[44]
  - ГЕРМЕТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ
  - ГЕРМЕС
  - ГРОБНИЦА ГЕРМЕСА
  - РЕЦЕНЗИИ
    - Энель: КОРНИ «ТВОРЕНИЯ» И УЧЕНИЕ ХРАМОВ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА[77]
    - Энель: ПОСЛАНИЕ СФИНКСА[78]
    - Ксавьер Гишар: ЭЛЕВСИНСКАЯ АЛЕЗИЯ.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБ ИСТОКАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ[79]
        - Ноэль де ла Уссай: ИТАЛИЙСКАЯ АРХАИЧЕСКАЯ БРОНЗА И ЕЕ СИМВОЛИКА[80]
        - Ноэль де ла Уссай: ФЕНИКС, СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЭМА[81]
        - ПИСЬМА О ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ, том III[82]
        - ПИСЬМА О ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ, том IV[83]
        - Жорж Дюмезиль: ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ РИМА[84]
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28

- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67

- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84

Рене Генон
Традиционные формы и космические циклы

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ УЧЕНИЯ О КОСМИЧЕСКИХ ЦИКЛАХ[1]

По поводу замечаний, которые мы делали в разных местах относительно индуистского учения о космических циклах и его эквивалентах, встречающихся в других традициях, нас иногда спрашивали, не могли бы мы дать если не полную картину, то хотя бы общий обзор, достаточный для того, чтобы выделить общие черты. По правде говоря, нам кажется, что это почти невыполнимая задача не только потому, что вопрос сам по себе слишком сложен, но скорее по причине крайней трудности, возникающей при выражении этих вещей на европейских языках, и того, как сделать их понятными для современной западной ментальности, у которой нет никакой привычки к такого рода размышлениям. Что действительно можно сделать, по нашему мнению, так это попытаться осветить некоторые моменты последующими ниже замечаниями, которые не будут иметь иных притязаний, кроме того, чтобы просто дать разъяснение смысла учения, о котором идет речь, а не объяснять его на самом деле.

Мы должны рассматривать цикл в самом широком понимании этого термина, как представляющий собою процесс развертывания определенного состояния проявления или, если речь идет о малых циклах, одной из более или менее ограниченной и специализированной модальности этого состояния. Впрочем, в силу закона соответствия, который связывает все вещи в Универсальном Существовании, всегда есть определенная аналогия как между различными циклами того же самого порядка, так и между главными циклами и их вторичными подразделениями. Это позволяет, говоря об этом, использовать один и тот же способ выражения, хотя чаще он должен пониматься лишь символически, сама же сущность символизма как раз основана на соответствиях и аналогиях, которые реально существуют в природе вещей. Мы хотим здесь напомнить о «хронологической» форме, в которой предстает учение о циклах: Кальпа представляет всеобщее развитие мира, то есть состояние или ступень Универсального Существования, очевидно, что буквально говорить о длительности Кальпы, оцениваемой согласно

какой-нибудь мере времени, можно было бы, если бы речь шла о чем-то, относящемся к состоянию, для которого время есть одно из определяющих условий, конституирующих наш мир. Впрочем, это рассмотрение длительности и предполагаемой ею последовательности может иметь всегда только чисто символическую ценность и должна переноситься лишь по аналогии, тогда временная последовательность есть только образ логического и онтологического сцепления «вневременной» серии причин и следствий; но с другой стороны, поскольку человеческий язык может выражать прямо лишь условия, присущие нашему состоянию, постольку такой символизм тем самым достаточно оправдан и должен рассматриваться как совершенно нормальный и естественный.

Мы сейчас не намерены заниматься самыми большими циклами, такими как Кальпа; мы ограничимся теми, которые развертываются внутри нашей Кальпы, то есть Манвантарами и их подразделениями. На этом уровне циклы обладают одновременно и космическим и историческим характером, поскольку они специально относятся к земному человечеству, будучи в то же время тесно связанными с событиями, которые происходят вне него в нашем мире. Здесь нет ничего, чему стоит удивляться, так как идея рассматривать человеческую историю изолированно от всего остального является исключительно современной и четко противостоящей тому, чему учат все традиции, которые, напротив, единодушно утверждают Необходимую и постоянную корреляцию между двумя Порядками, космическим и человеческим.

Манвантары, или эры следующих друг за другом Ману, число которых четырнадцать, образуют две семеричные серии, первая из которых включает в себя прошедшие Манвантары и ту, в которой мы существуем в настоящее время, а вторая — будущие Манвантары. Эти две серии, из которых одна, таким образом, относится к прошлому вместе с настоящим, представляющим собой ее непосредственный результат, а вторая — к будущему, могут быть сопоставлены с сериями семи Сварг и семи Патал, которые представляют собою ансамбль соответственно высших и низших состояний по отношению к состоянию человека, если принимают точку зрения иерархии степеней Существования или универсального проявления, или предшествующих и последующих ступеней по отношению к тому же самому состоянию, если принимают точку зрения причинного сцепления циклов, описываемого, как всегда, символически по аналогии с временной последовательностью. Эта последняя точка зрения здесь особенно важна: она позволяет видеть внутри нашей Кальпы как бы остаточный образ всего ансамбля циклов универсального проявления, в соответствии с

отношением аналогии, только что упомянутым нами, и в этом смысле можно сказать, что последовательность Манвантар в некотором роде отмечает отражение других миров в нашем мире. Можно к тому же еще отметить, чтобы подтвердить это сопоставление, что оба слова, Ману и Лока, используются и то и другое для символического обозначения числа 14; говорить здесь о простом «совпадении» означало бы засвидетельствовать полное непонимание глубоких оснований, присущих всякому традиционному символизму.

Уместно также рассмотреть другое соответствие с Манвантарами, касающееся семи Двипа, или «районов», на которые разделен наш мир; действительно, хотя они представлены согласно собственному смыслу слова, которое их обозначает, как такое же число островов или континентов, некоторым образом распределенных в пространстве, следует все же остерегаться принимать это буквально и рассматривать их просто как различные части современной земли; в действительности, они «порождаются» один за другим, а не одновременно, из чего следует, что только один из них проявлен в чувственной области в течение хода одного периода. Если это период Манвантара, то из этого надо сделать заключение, что каждая Двипа должна появляться два раза в Кальпе или же по одному разу в каждой из семеричных серий, о которых мы только что говорили; а из отношения этих двух серий, которые инверсионно соотносятся между собой, как это бывает во всех подобных случаях, и в особенности для серий Сварга и Патала, можно вывести, что порядок появления Двипа также будет во второй серии обратным тому, каким он был в первой серии. В целом, речь идет скорее о различных состояниях земного мира, нежели о «района» в прямом смысле слова. Джамбу-Двипа представляет собою землю целиком в ее современном состоянии, и если говорят, что она простирается к югу от Меру, или от «осевой» горы, вокруг которой осуществляется вращение нашего мира, то действительно, раз Меру символически отождествляется с северным полюсом, то вся Земля поистине располагается к югу по отношению к нему. Чтобы это разъяснить полнее, надо было бы развернуть символизм направлений пространства, согласно которому распределены Двипа, равно как и отношения соответствия, которые существуют между этим пространственным символизмом и временным символизмом, на котором покоится любое учение о циклах; но так как мы не можем здесь рассматривать это, поскольку для этого потребовался бы целый том, мы должны ограничиться здесь этими общими указаниями, которые, впрочем, легко могут быть восполнены теми, кто имеет некоторые познания об этом.

Этот способ рассмотрения семи Двипа подтверждается также данными из других традиций, согласующимися с этим, в которых также говорится о «семи землях», а именно, в исламском эзотеризме и древнееврейской Каббале: так, в последней, «семь земель» фигурируя внешним образом для обозначения такого же числа подразделений земли Ханаанской, сопоставляются с царствами «семи царей Эдома», которые довольно явственно соотносимы с семью Мана первой серии; и все они включены в «Землю Живых», которая представляет собою полное развертывание нашего мира, рассматриваемого в своем принципиальном состоянии как реализуемое постоянным образом. Мы может здесь отметить совпадение двух точек зрения, одну точку зрения последовательности, которая относится к проявлению самому по себе, и другую, которая относится к его принципу или к тому, что можно было бы назвать его «архетипом»; и по сути, соответствие этих двух точек зрения некоторым образом эквивалентно соответствию символизма временного и символизма пространственного, о котором мы только что упоминали, касаясь Двипа индуистской традиции.

В исламском эзотеризме «семь земель» появляются, может быть, еще более открыто как такое же число табакат, или «категорий» земного существования, которые сосуществуют и некоторым образом проникают друг в друга, но только одна из которых может быть воспринята чувствами в настоящее время, тогда как другие находятся в скрытом состоянии и могут быть восприняты лишь исключительным образом и при определенных специальных условиях; но и в этом случае они проявляются во вне поочередно в различные периоды, которые следуют друг за другом в процессе общей длительности этого мира. С другой стороны, каждая из этих «семи земель» управляется Кутб или «Полюсом», которые очень четко соответствуют Ману того периода, в течение которого проявлена его земля; и эти семь Актаб подчинены высшему «Полюсу», так же как и разные Ману подчинены Ади-Ману или изначальному Ману; но кроме того, по причине сосуществования «семи земель», они осуществляют свои функции в некотором отношении постоянным и одновременным образом. Едва ли есть необходимость здесь отмечать, что это обозначение «Полюс» тесно связано с «полярным» символизмом Меру, о котором мы только что упоминали, сама же Меру в точности эквивалентна горе Каф в исламской традиции. Добавим еще, что семь земных «Полюсов» рассматриваются как отражение семи небесных «Полюсов», которые господствуют соответственно в семи планетарных небесах; естественно, это напоминает о соответствии со Сварга в индуистском учении, что завершает

демонстрацию совершенного соответствия, которое существует по этому предмету между двумя традициями.

Рассмотрим теперь деление Манвантары, то есть Юги, число которых четыре; отметим прежде всего, долго не останавливаясь на этом, что это четверичное деление цикла допускает множество применений и что оно фактически обнаруживается во многих циклах самого разного порядка: в качестве примера можно привести четыре сезона года, четыре недели лунного месяца, четыре возраста человеческой жизни, здесь же есть соответствие с пространственным символизмом, относящимся, в основном, к четырем странам света. С другой стороны, часто отмечалась явная равноценность четырех Юг с четырьмя веками — золотым, серебряным, медным и железным, такими, какими они были известны со времени греко-латинской античности: каждый период с обеих сторон равным образом отмечен вырождением по отношению к предшествующему периоду; а это просто объясняется тем, что все циклическое развитие, то есть в целом весь процесс проявления, необходимо заключая в себе постепенное удаление от принципа, на самом деле образует поистине «спуск», что, впрочем, составляет и реальный смысл «падения» в иудео-христианской традиции, что прямо противоположно идее прогресса, как его понимают современные люди.

От одной Юги к другой вырождение сопровождается уменьшением длительности, которое, впрочем, рассматривается как влияющее на продолжительность человеческой жизни; и важно в этой связи прежде всего то отношение, которое существует между различными длительностями этих разных периодов. Если общая длительность Манвантары представлена как 10, длительность Крита-юги или Сатья-юги будет представлена 4, Трета-юги — 3, Двапара-юги — 2, а Кали-юги — 1; эти числа суть также числа ног символического быка Дхармы, которые изображаются стоящими на земле в течение соответствующих периодов. Деление Манвантары таким образом осуществляется согласно формуле 10=4+3+2+1, которая представляет собою перевернутую формулу пифагорейской Тетрактиды: 1+2+3+4=10; эта последняя формула соответствует тому, что на языке западного герметизма называется «циркулатурой квадрата», а первая соответствует обратной проблеме «квадратуры круга», которая как раз выражает отношение конца цикла к его началу, то есть полноту всего его развития; в этом весь символизм, как арифметический, так и геометрический, который мы может только по ходу дела отметить, чтобы не слишком далеко уйти от главного нашего предмета.

Что касается цифр, указываемых в различных текстах для обозначения длительности Манвантары и, следовательно, для длительности Юг, то надо хорошо понимать, что ни в коем случае не следует их рассматривать как составляющие «хронологию» в обычном смысле этого слова, мы хотим сказать, как составляющие число годов, принимаемое буквально; поэтому некоторые появляющиеся в этих данных вариации, не имеют в себе, по существу, никакого реального противоречия. Вообще в этих цифрах следует рассматривать только число 4320, по той причине, которую мы объясним далее, а вовсе не нули, более или менее многочисленные, которые за ним следуют и которые могут ввести в заблуждение тех, кто хотел бы предаться некоторым вычислениям. Это предупреждение может показаться на первый взгляд странным, но оно легко объяснимо: если бы реальная длительность Манвантары была известна и если бы сверх того начальная точка была бы определена с точностью, то каждый мог бы без труда делать выводы, позволяющие предвидеть некоторые будущие события; однако ни одна ортодоксальная традиция никогда не одобряла поисков, посредством которых человек мог бы придти к знанию более или менее обширного грядущего, это познание представляет гораздо более неудобств, чем истинных преимуществ. Вот почему начало и длительность Манвантары всегда более или менее тщательно скрыты либо добавлением и убавлением определенного числа лет к реальным датам, либо умножением или делением длительностей циклических периодов таким образом, чтобы при этом сохранялись только их точные пропорции; добавим, что некоторые соответствия иногда также искажены по сходным мотивам.

Если длительность Манвантары 4320, то длительности четырех Юг будут соответственно 1728, 1296, 864 и 432; но на какое число надо их умножать, чтобы получить значение этих длительностей в годах? Легко заметить, что все циклические числа находятся в прямых отношениях с геометрическим делением круга: так, 4320 = 360x12; впрочем, в этом делении нет ничего случайного или конвенционального, так как по причинам, касающимся соответствия между арифметикой и геометрией, нормально, что это деление осуществляется согласно кратным числам 3, 9 и 12, тогда как десятичное деление непосредственно соответствует прямой линии. Тем не менее, хотя это наблюдение является поистине фундаментальным, оно не позволило бы продвинуться очень далеко в определении циклических периодов, если бы помимо этого не было известно, что их принципиальное основание в космическом порядке представляет собою астрономический период прецессии (предварения

равноденствия), длительность которой составляет 25920 лет, таким образом смещение точек равнодействия составляет в 72 года на один градус. Это число 72 является как раз под-множителем числа 4320=72x60, а 4320 в свою очередь это под-множитель числа 25920 = 4320x6; тот факт, что для прецессии находятся числа, связанные с делением круга, является еще одним доказательством его поистине природного характера; но теперь возникает такой вопрос: какой множитель или под-множитель астрономического периода, о котором идет речь, реально соответствует длительности Манвантары?

Чаще всего в различных традициях, по правде говоря, появляется не сам период прецессии, а скорее его половина: это период соответствует как раз тому, что было «великим годом» у персов и греков, оцениваемым чаще всего приблизительно в 12000 или 13000 лет, его точная длительность была 12960 лет. Придавая особую важность, приписываемую этому периоду, следует предположить, что Манвантара должна содержать целое число этих «великих годов»; но тогда каково будет их число? По крайней мере в этом отношении мы находим, помимо индуистской традиции, точное указание, и на этот раз тоже, что особенно печально, принимаемое буквально: у халдеев длительность царства Сисофруса, который явно тождественен Вайвашвате, Ману настоящей эры, определена в 64800 лет, что составляет точно пять «великих годов». Заметим кстати, что число 5, будучи числом бхута или числом элементов чувственного мира, необходимо должно иметь особое значение с космологической точки зрения, что ведет к подтверждению реальности этой оценки; может быть, даже было бы уместно рассмотреть некоторую корреляцию между пятью бхута и пятью следующими друг за другом «великими годами», о которых идет речь, тем более что в действительности встречается в древних традициях Центральной Америки специальное сопоставление элементов с определенными циклическими периодами; но этот вопрос требует более внимательного рассмотрения. Как бы то ни было, если действительно такова реальная длительность Манвантары и если продолжать принимать за основание число 4320, которое равно третьей части «великого года», то тогда это число должно быть умножено на 15. С другой стороны, пять «великих годов» будут, естественно, распределяться по четырем Югам неравным образом, но согласно простым отношениям: Крита-юга будет содержать их 2, Трета-юга — 1 1/2, Двапара-юга — 1 и Кали-юга — 1/2; разумеется, эти числа составляют половину тех, которые мы имели только что, представляя через 10 длительность Манвантары. Оцениваемые в обычных годах, эти длительности четырех Юг будут представлены как

25920, 19440, 12960 и 6480 лет; надо согласиться, что, по меньшей мере, эти цифры находятся в совершенно правдоподобных рамках, способных очень хорошо соответствовать реальной древности настоящего земного человечества.

Здесь мы остановим эти размышления, так как относительно начала нашей Манвантары и, следовательно, той точной точки ее продвижения, в которой мы в настоящее время находимся, мы не рискуем пытаться их определить. Из всех традиционных данных мы знаем, что мы уже давно находимся в Кали-юге; мы можем сказать, не боясь ошибиться, что мы находимся в довольно продвинутой ее фазе, описания которой, данные в Пуранах, соответствуют к тому же самым поразительным образом особенностям современной эпохи; но не было бы неосторожным искать большей точности и кроме того, не привело ли бы это неизбежно к тому сорту предсказаний, которым традиционное учение не без важных причин ставит столько препятствий.

РЕЦЕНЗИИ

Мирча Элиаде: МИФ О ВЕЧНОМ ВОЗВРАЩЕНИИ. АРХЕТИПЫ И ПОВТОРЕНИЕ[2]

Заглавие этой книги, не отвечающее, впрочем, в точности ее содержанию, не кажется нам слишком удачным, так как неизбежно приходится думать о современных концепциях, к которым обычно прилагается это имя «вечное возвращение» и которые, помимо смешения вечности с неопределенной длительностью, предполагает существование недопустимого повторения, совершенно противоположного истинному традиционному понятию циклов, согласно которому есть только соответствия, а не тождественность; в целом, в макрокосмическом порядке, здесь есть различие, сравнимое с тем, которое существует в порядке микрокосмическом между идеей реинкарнации и идеей перехода существа через множественные состояния проявления. На деле, в книге М. Элиаде речь идет не об этом, и то, что он понимает под «повторением», есть не что иное, как воспроизведение или скорее ритуальное подражание «тому, что делалось вначале». В полностью традиционной цивилизации всё следует «небесным архетипам»: так, города, храмы и жилища всегда возводились согласно космической модели; другой, связанный с этим вопрос, и даже гораздо менее отличающийся, чем, видимо, думает автор, это символическое отождествление с «Центром». Мы и сами довольно часто об этом говорили; М. Элиаде собрал множество примеров, относящихся к самым разным традициям, что свидетельствует об универсальности и, можно сказать, «нормальности» его концепций. Затем он обращается к изучению ритуалов в собственном смысле слова; но есть точка, относительно которой мы должны высказать серьезное сомнение: он говорит об «архетипах профанной деятельности», тогда как, точнее говоря, поскольку цивилизация полностью сохраняет традиционный характер, в ней нет никакой профанной деятельности: мы можем понять, что он таким образом обозначает то, что становится профанным вследствие определенного вырождения, но это совершенно другое, так как тогда и даже именно в силу этого больше не возникает вопрос об «архетипах», профан потому и профан, что он больше не связан ни с каким трансцендентным принципом; впрочем, ничего профанного нет в тех примерах, которые он приводит (ритуальные танцы, коронование царя,

традиционная медицина). Затем, в частности, вопрос о годовом цикле и связанных с ним ритуалах; естественно, в силу соответствия, которое существует между всеми циклами, сам год может быть принят как свернутый образ великих циклов универсального проявления, и это как раз объясняет, почему его начало рассматривается как имеющее «космогонический» характер; идея «возрождения времени», которую вводит здесь автор, не очень ясна, но вероятно, ее следует понимать как божественную работу по сохранению проявленного мира, для которой ритуальное действие представляет собою настоящее сотрудничество в силу отношений, существующих между космическим и человеческим порядками. Вызывает сожаление то, что считают себя обязанными говорить о обо всем этом как о «верованиях», тогда как речь идет о применении весьма реальных знаний и традиционных наук, обладающих совершенно иной ценностью, нежели науки профанные; и почему надо, уступая современным предрассудкам, оправдываться в том, что «избегали всяких социологический и этнографических интерпретаций», тогда как мы, напротив, не устаем хвалить автора за это воздержание, в особенности, когда мы вспоминаем, до какой степени были испорчены подобными интерпретациями другие работы? Последние главы, с нашей точки зрения, менее интересны, во всяком случае, они более спорны, потому что они уже содержат не традиционные данные, а скорее размышления, принадлежащие собственно Элиаде, из которых он пытается извлечь нечто подобное «философии истории»; впрочем, нам не ясно, зачем концепции циклов неким образом противопоставляются истории (он даже использует выражение «отказ от истории»), напротив, говоря по правде, история может реально иметь смысл только постольку, поскольку она выражает развертывание событий по ходу человеческого цикла, хотя профанные историки почти не способны, конечно, отдавать себе в этом отчет. Если идея «несчастья» может неким образом в каком-то смысле привязываться к «историческому существованию», то это именно потому, что ход цикла следует нисходящему движению; надо ли добавлять, что заключительные размышления об «ужасе истории» представляются нам поистине чрезмерно внушенными занятиями «актуальностью»?

Гастон Жоржель: РИТМЫ В ИСТОРИИ[3]

Эта книга представляет собою попытку приложения космических циклов к истории народов, к фазам возрастания и спадов цивилизаций; вызывает поистине сожаление, что автор не имел в своем распоряжении, предпринимая эту работу, более полного набора традиционных данных и что некоторые из них он даже узнал через более или менее сомнительных посредников, которые примешали туда свои собственные фантазии. Тем не менее, хорошо видно, что именно период прецессии и его деления приняты в качестве основного для изучения, хотя и добавляются некоторые усложнения, по сути, бесполезные, как представляется; но терминология, принятая для обозначения некоторых второстепенных периодов, обнаруживает много промахов и недоразумений. Так, двенадцатая часть прецессии, разумеется, не может быть названа «космическим годом»; это название гораздо больше подошло бы либо к целому периоду, либо еще больше к его половине, которая как раз и является «великим годом» древних. С другой стороны, длительность в 25765 лет, возможно, заимствована из каких-нибудь гипотетических вычислений современных астрономов; на деле, частным следствие этого является то, что автор иногда оказывается вынужденным принимать точные цифры некоторых подразделений, например, 2160 и 540, но он рассматривает их в этом случае только как «приближенные». Добавим по этому поводу еще одно наблюдение; он полагает, что нашел в некоторых библейских текстах подтверждение цикла в 539 лет, которое подсказано числом 77x7=539; но точнее он должен был взять 77x7+1=540, это было аналогично юбилейному году, который ведь был не 49-ый, а 50-й, или 7x7+1=50. Что касается приложений, то здесь находятся соответствия и сопоставления не только любопытные, но и на самом деле достойные внимания, но мы должны сказать, что есть и другие, которые являются гораздо менее удивительными и даже кажутся иногда несколько притянутыми до такой степени, что довольно неприятно напоминают ребячества некоторых оккультистов; следовало бы также сделать некоторые оговорки относительно других моментов, например, фантастических цифр, предназначенных для обозначения хронологии древних цивилизаций. С другой стороны, интересно было бы посмотреть, смог бы автор продолжать получать результаты такого же рода, еще больше расширяя поле своего исследования, так как было и есть еще множество других народов, помимо

тех, которые рассматривает он; во всяком случае, мы не думаем, что можно установить общий «синхронизм», так как для различных народов и отправные точки должны быть различными, более того, различные цивилизации не просто следуют друг за другом, но они и сосуществуют, что можно констатировать и в настоящее время. Заканчивая, автор считает уместным представить некоторые попытки «предвидения будущего», впрочем, в достаточно ограниченных пределах; в этом одна из опасностей такого рода исследований, в особенности, в нашу эпоху, когда так называемые «пророчества» имеют такой успех; конечно, никакая традиция такие вещи не одобряла и именно поэтому ставила всевозможные препятствия, и в первую очередь по той причине, что некоторые стороны учения о циклах должны всегда быть скрыты в темноте.

Гастон Жоржель: РИТМЫ В ИСТОРИИ[4]

Мы дали отчет об этой книге, когда появилось ее первое издание (октябрьский номер 1957 г.); в то время автор, как он говорит в предисловии нового издания, почти ничего из традиционных данных о циклах не знал; по счастливой случайности ему довелось обнаружить некоторые из них, исходя из чисто «эмпирической» точки зрения, и в частности разгадать важность прецессии. Вследствие некоторых сделанных нами тогда замечаний он устремился к более глубокому изучению, с чем, разумеется, мы можем себя поздравить, и мы должны высказать ему благодарность за его высказывания по этому предмету в той части, которая касается нас. Он дополнил и изменил свою работу во многих моментах, добавив несколько новых глав и параграфов, один из которых относится к истории вопроса о циклах, исправив различные неточности и устранив сомнительные наблюдения, которые он сначала принял на веру от писателей оккультистов, не имея возможности сравнить их с более достоверными данными. Мы только сожалеем, что он забыл заменить числами 540 и 1080 числа 539 и 1078 лет, о чем, однако, было заявлено в предисловии, тем более, что в отличие от этого он исправил на 2160 лет число 2156, что вносит явную разноголосицу между главами, соответственно соотносящими эти множественные различные циклы с одним и другим числом. Несколько досадно, также, что он сохранил выражения «космический год» и «космическое время года» для обозначения периодов времени, гораздо более ограниченных, чтобы их можно было к ним относить на самом деле (это именно периоды в 2160 и 540 лет), которые можно были бы скорее назвать месяцами и неделями, если угодно, тем более, что название «месяц» подошло бы достаточно хорошо в целом для прохождения зодиакального знака в перемещении прецессии и что, с другой стороны, число 540=77x7+1 имеет особое отношение к семерке, как число семикратной юбилейной «недели годов». Впрочем, на этот раз мы можем высказать критические замечания почти только относительно деталей, а в целом книга представляется весьма достойной интереса и отличается в лучшую сторону от некоторых других работ, где по поводу теории циклов выдвигаются претензии гораздо более амбициозные и, конечно, гораздо менее оправданные; естественно, он ограничивается тем, что можно было бы назвать «малыми историческими циклами», а в этих рамках только западными и средневековыми, но мы

знаем, что г-н Жоржель готовит в настоящее время и другие труды более общего характера, но в таком же круге идей, и мы ему желаем, чтобы он и их вскоре привел к хорошему завершению.

АТЛАНТИДА И ГИПЕРБОРЕЯ

В «Атлантисе» (Atlentis) за июнь 1929 г. г-н Поль Ле Кур (Paul le Cour) поместил заметку о нашей статье за прошедший май,[5] в которой мы утверждаем различие между Атлантидой и Гипербореей в противоположность тем, кто предпочитает их смешивать и кто говорит о «Гиперборейской Атлантиде». Хотя это выражение кажется принадлежащим только г-ну Ле Куру, мы, по правде говоря, не думали исключительно о нем, когда писали эту статью, так как не только он допускает смешение, о котором идет речь; его можно найти также и у г-на Германа Вирта (Herman Wirth), автора важной работы о происхождении человечества (Der Aufgang der Menschheit), недавно появившейся в Германии и в которой постоянно используется термин «североатлантический» для обозначения того района, который принимает в качестве исходной точки изначальную традицию. В противоположность этому, только один г-н Ле Кур, по нашим сведениям, по крайней мере, сам утверждал существование некой «Гиперборейской Атлантиды»; если мы его не называем в этой связи, то лишь потому, что вопросы о личностях значат для нас очень мало, и нам было важно лишь предостеречь наших читателей от ложной интерпретации, откуда бы она ни исходила. Мы спрашиваем себя, как же г-н Ле Кур нас читал и мы даже спрашиваем об этом более настойчиво, чем всегда, так как теперь он вынуждает нас сказать, что северный полюс в изначальную эпоху «вовсе не был там же, что и сегодня, но в соседнем районе, как представляется, в Исландии или в Гренландии»; где же он мог это найти? Мы абсолютно уверены, что не писали ни единого слова сверх этого, не делали ни малейшего намека по этому вопросу, впрочем, по нашему мнению, второстепенного, о возможном перемещении полюса с начала нашей Манвантары;[6] по самым важным причинам мы никогда не уточняли его изначальное положение, которое к тому же, по весьма различным мотивам, было бы достаточно трудно определить по отношению к современным землям.

Г-н Ле Кур говорит также, что «несмотря на наш индуизм, мы соглашаемся, что происхождение традиций — западное»; мы ни в коей мере с этим не соглашаемся, как раз напротив, так как мы говорим, что оно полярное, а полюс, как мы знаем, в такой же мере не является западным, в какой он не является и восточным; мы продолжаем думать, как мы это и говорили в той статье, о которой идет речь, что Север и Запад две главные

стороны света. Только в эпоху, значительно удаленную от начала, местоположение традиции может стать, перемещаясь в другие районы, либо западным, либо восточным, западным в одни периоды и восточным в другие, и во всяком случае, конечно, восточным в последнюю очередь как раз перед началом времени, называемого «историческим» (поскольку только оно доступно для изучения «профанной» историей). Впрочем, как это хорошо замечено, вовсе не «несмотря на наш индуизм» (г-н Ле Кур, используя это слово, не предполагал, возможно, что скажет так справедливо), а, напротив, из-за него, мы рассматриваем происхождение традиций как нордическое и даже более точно как полярное, поскольку это специально утверждается в Веде, так же как и в других священных книгах.[7] Земля, где солнце, не заходя, делает круг на горизонтом, должна быть, действительно, расположена очень близко к полюсу, если не на самом полюсе; позже говорится также, что представители традиции перемещаются в район, где самый длинный день уже в два раза длиннее самого короткого, но это уже относится к более поздней фазе, которая, очевидно, больше ничего общего не имеет с Гипербореей.

Может быть г-н Ле Кур и прав, различая южную и северную Атлантиду, хотя они изначально и не были разделены; но не менее верно, что сама северная Атлантида ничего гиперборейского в себе не имеет. Мы охотно признаем, что вопрос сильно осложняется из-за одних и тех же обозначений, применявшихся к очень различным районам, причем не только к последовательным локализациям изначального традиционного центра, но также и к вторичным центрам, происходящим от него более или менее непосредственно. Мы говорили об этом затруднении в наглей работе «Царь Мира», где как раз на той странице, на которую ссылается г-н Ле Кур, мы пишем следующее: «Атлантическую Тулу (место происхождения тольтеков, которое, возможно, было расположено в северной Атлантиде) надо отличать от гиперборейской Тулы; в действительности, именно последняя представляет собой первый и высший центр для всей современной Манвантары; это только она исключительно была «священным островом» и расположение ее в начале было буквально полярным. Все другие «священные острова», повсюду обозначаемые именами с тождественным значением, были только лишь ее образами; и это применимо также к духовному центру атлантистской традиции, которая господствует только в одном вторичном историческом цикле, части Манвантары».[8] Мы добавили еще одно замечание: «Значительная трудность для определения точки соединения атлантической и

гиперборейской традиций проистекает от некоторых подмен имен, которые могут привести ко множеству смешений; но, несмотря на все, вопрос не может быть совершенно неразрешимым».

Говоря об этой «точке соединения», мы в первую очередь думали о друидизме; и вот мы нашли как раз по поводу друидизма в «Атлантисе» (июль-август 1929 г.) другую заметку, которая доказывает, как иногда трудно найти понимание. По поводу нашей статьи о «тройной ограде»[9] г-н Лу Кур пишет вот что: «Делать из него исключительно друидический символ означало бы ограничить важность этой эмблемы; вероятно, он ему предшествовал и выходит за пределы друидического мира». Однако, мы так далеки от того, чтобы делать из него исключительно друидический символ, что в этой статье, после указанных, согласно самому г-ну Ле Куру, примеров в Италии и Греции, мы говорим: «Тот факт, что та же самая фигура встречается в других местах, а не только у кельтов, указывал бы на то, что и в других традиционных формах имеются иерархии посвящения, основанные по той же модели (что и друидическая иерархия), что является совершенно нормальным». Что касается вопроса предшествования, то прежде всего следовало бы знать, к какой именно эпохе восходит друидизм, и вероятно, он восходит к гораздо более ранней эпохе, чем это обычно думают, тем более что друиды были обладателями традиции, значительная часть которой была несомненно гиперборейского происхождения.

Мы воспользуемся этим случаем, чтобы сделать еще одно важное замечание: мы говорим слово «Гиперборея», чтобы быть в согласии с обычным употреблением, преобладающим со времен греков; но использование этого слова показывает, что они, по крайней мере, в «классическую» эпоху уже забыли его первоначальный смысл. На самом деле, было бы достаточно сказать «Борея», слово, строго эквивалентное санскритскому Вараха (Varaha) иди, скорее, его производному женского рода, раз речь идет о земле, Варахи (Varahi): это «земля вепря», которая в определенную эпоху превратилась в «землю медведя», в период доминирования кшатриев, конец которой положил Парашу Рама (Parashu-Rama).[10]

Чтобы закончить, нам остается еще сделать необходимое уточнение, а именно, сказать несколько слов о трех или четырех вопросах, которые попутно затрагивает г-н Ле Кур в своих двух заметках; прежде всего, имеется упоминание о свастике, о которой он говорит, что «мы из нее делаем знак полюса». Без малейшей тени враждебности мы попросили бы

г-на Ле Кура совершенно не смешивать здесь наш случай со своим, так как надо ведь наконец сказать, как обстоит дело в действительности: мы его считаем «исследователем (ни в коей мере не для того, чтобы уменьшить его заслуги), который предлагает объяснения в соответствии со своим персональным видением, иногда несколько рискованным, и это его право, поскольку он не привязан ни к какой ныне живущей традиции и не обладает никакими данными, полученными через прямую передачу; мы могли бы сказать другими словами, что он занят археологией, тогда как мы занимаемся науками, связанными с посвящением, и эти две точки зрения, даже когда они касаются одних и тех же предметов, никоим образом не могут совпадать. Мы вовсе не «делаем» из свастики знак полюса; мы говорим, что она им является и всегда им была, что таково ее истинное традиционное значение, и это совсем другое; таков факт, и с ним ни г-н Ле Кур, ни мы сами ничего не можем сделать. Г-н Ле Кур, который, очевидно, может давать только более или менее гипотетические интерпретации, полагает, что свастика «есть только символ, относящийся к идеалу, лишенному возвышенного»;[11] таков его способ видения, но ничего более, и мы не расположены дискутировать о нем, потому что он, в конечно счете, представляет собою лишь оценку чувств; «возвышенный» или нет, идеал является для нас чем-то довольно пустым, а, говоря по правде, речь идет о чем-то гораздо более «позитивном», как мы охотно сказали бы, если бы это слово не было так не извращено.

Г-н Ле Кур, с другой стороны, казался не удовлетворенным заметкой, которую мы посвятили статье одного из его сотрудников, который из всех сил старался разглядеть противоположность между Востоком и Западом и предоставил весьма достойное сожаления свидетельство односторонности отношения к Востоку.[12] Он пишет вслед за этим удивительные вещи: «Г-н Рене Генон, который является чистым логиком, способен искать как на Востоке, так и на Западе только чисто интеллектуальную сторону вещей, что доказывают его писания; он показывает это также, заявляя, что Агни самодостаточен (см. Regnabit, апрель 1926 г.) и игнорируя дуальность Аор-Агни, к которой мы часто обращаемся, так как она представляет собою краеугольный камень здания проявленного мира». Как бы ни было нам безразлично то, что о нас пишут, мы все таки не можем позволить сказать, что мы представляем собою «чистого логика», в то время как мы, напротив, рассматриваем логику и диалектику только как простые инструменты изложения, иногда полезные в этом качестве, но все же чисто внешние и не представляющие самостоятельного интереса; повторяем, мы

придерживаемся одной лишь точки зрения посвящения, и все остальное, то есть все, что представляет собою только «профанное» знание, полностью лишено в наших глазах ценности. Если это и правда, что мы часто говорим о «чистой интеллектуальности», то это выражение имеет для нас совершенно иной смысл, чем для г-на Ле Кура, который, кажется, путает «интеллект» с «разумом», и который, кроме того, признает «эстетическую интуицию», тогда как не существует никакой иной истинной интуиции, кроме «интуиции интеллектуальной» сверх рационального порядка; есть, впрочем, здесь еще нечто странное, что может думать только тот, кто явно не имеет ни малейшего подозрения о том, что такое «метафизическая реализация» и кто, вероятно, воображает себе, что мы являемся только чем-то вроде теоретика, что еще раз доказывает, что он весьма мало читал наши произведения, которые, тем не менее, странным образом занимают его.

Что касается истории с Аор-Агни, то мы вовсе не игнорируем его, и надо бы раз и навсегда покончить с этими мечтаниями, за которые, впрочем, г-н Ле Кур не несет никакой ответственности; если «Агни самодостаточен», то это по тем веским основаниям, что этот термин на санскрите означает огонь во всех его аспектах, безо всякого исключения, и те, кто предполагает противоположное, просто доказывают тем самым совершенное незнакомство с индуистской традицией. Мы ничего другого не говорим в нашей заметке в «Regnabit», которую нам следует здесь, как мы полагаем, процитировать текстуально: «Зная, что среди читателей «Regnabit» есть те, кто знаком с теориями школы, труды которой хотя и очень интересны и заслуживают внимания во многих отношениях, вызывают, однако, некоторые сомнения, мы должны здесь сказать, что мы не можем принять употребление терминов Аор и Агни для обозначения двух взаимно дополнительных аспектов огня (света и тепла). Действительно, первое из этих двух слов является древнееврейским, тогда как второе санскритским; нельзя так объединять термины, заимствованные из разных традиций, каково бы ни было реальное соответствие, существующее между ними, или даже, по существу, тождественность, которая кроется под различием их форм; не надо смешивать «синкретизм» с истинным синтезом. Кроме того, если Аор это исключительно свет, то Агни есть огненный принцип, рассматриваемый интегрально (латинский ignis представляет собою в точности то же самое слово), следовательно, сразу и как свет и как тепло; сужение этого термина только до значения второго аспекта является совершенно произвольным и неправильным». Вряд ли стоит говорить, что написав эту заметку, мы ни в малейшей

степени не думали о г-не Ле Куре; мы думали только о Иероне де Паре-ле-Моньяле (Hieron de Paray-le-Monial), которому, собственно, и принадлежит изобретение этого странного словосочетания. Мы полагаем, что не стоит учитывать фантазии, исходящие из несколько слишком избыточного воображения г-на де Сарачаги (de Sarachaga), и таким образом полностью лишенного авторитета и не имеющего ни малейшей ценности с традиционной точки зрения, которой мы, надеемся, строго придерживаемся.[13]

Наконец, г-н Ле Кур пользуется случаем вновь поддержать антиметафизическую и антипосвященческую теорию западного «индивидуализма», что, в конечном счете, является его делом и касается только его; и он добавляет с некоторой гордостью, показывающей, что в действительности он совсем еще не освободился от индивидуальных случайностей: «Мы поддерживаем нашу точку зрения потому, что мы являемся предками (les ancetres) в области познания». Эта претензия по истине несколько необыкновенна; неужели г-н Ле Кур считает себя таким старым? Не только западные люди не являются ничьими предками, но они не являются даже законными потомками, так как они потеряли ключ от своей собственной традиции; вовсе не «на Востоке есть отклонение», хотя именно так могут говорить те, кто полностью игнорирует восточные учения. «Предки», мы берем слово г-на Ле Кура, являются эффективными держателями изначальной традиции; и никаких других не может быть, а в современную эпоху на Западе их, конечно, нет.

МЕСТО АТЛАНТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В МАНВАНТАРЕ

Выше, под названиями Атлантида и Гиперборея, мы указали на смешение, которое слишком часто делается между изначальной Традицией, по происхождению «полярной» в буквальном смысле слова, точка отправления которой та же самая, что и отправная точка настоящей Манвантары, и производной и вторичной традицией, которую представляет собою атлантическая традиция, относящаяся к гораздо более ограниченному периоду. Мы тогда говорили (и в других местах также неоднократно[14]), что это смешение можно в некоторой мере объяснить тем фактом, что подчиненные духовные центры основывались по образу высшего Центра и что к ним прилагались те же самые наименования. Так, атлантическая Тула, название которой сохранилось в Центральной Америке, куда оно было принесено тольтеками, должна была быть местонахождением духовной власти, которая была как бы эманацией духовной власти гиперборейской Тулы; и так как это имя обозначает Весы, то его двойственное приложение состоит в тесном отношении с переходом этого обозначения из полярного созвездия Большой Медведицы в зодиакальный знак, который еще и в настоящее время носит это имя «Весы». К атлантической традиции следует отнести также переход сапта-рикша (символическое жилище семи Риши) в определенную эпоху из той же Большой Медведицы в Плеяды, созвездия, также образованное из семи звезд, но зодиакального расположения; в этом отношении не остается никакого сомнения, ведь Плеяды были дочерьми Атласа и как таковые назывались Атлантидами.

Все это находится в согласии с географическим размещением традиционных центров, которое связано как с их собственными чертами, так и с их соответствующим местом в циклическом периоде, потому что все это соотносится здесь гораздо более точно, чем это могли бы предположить те, кто игнорирует законы установленных соответствий. Очевидно, что Гиперборея соответствует Северу, а Атлантида — Западу; замечательно, что даже обозначение этих двух районов, все же четко различающихся, также могут привести к смешению, ведь имена одного и того же корня применялись и к тому и к другому. Действительно, этот корень можно найти в различным формах, таких как hiber, iber или eber,

ereb, а также при перестановке букв, обозначающий одновременно и район зимы, то есть Север, и район вечера или заходящего солнца, то есть Запад, и народы, населяющие и тот и другой районы; этот факт относится явно к тому же самому порядку, что и те, о которых только что шла речь.

Само положение атлантического центра по оси Восток-Запад указывает на его подчиненность по отношению к гиперборейскому центру, размещающемуся на полярной оси Север-Юг. Действительно, хотя ансамбль этих двух осей образует то, что можно назвать горизонтальным крестом в полной системе шести направлений пространства, ось Север-Юг тем не менее из них должна рассматривать как относительно более вертикальная по отношению к оси Восток-Запад, как это мы объясняли в другом месте.[15] Еще можно, согласно символизму годового цикла, первой их этих двух осей дать имя оси солнцестояния, а второй — оси равноденствия; это позволяет понять, что точка, принимаемая за начало года, не будет одной и той же во всех традиционных формах. Начальной точкой, которую можно назвать нормальной, находящейся в непосредственном согласии с изначальной Традицией, является зимнее солнцестояние; факт начала года в одном из равноденствий означает связь со вторичной традицией, такой как атлантическая.

С другой стороны, атлантическую традицию, располагающуюся в районе, который соответствует вечеру в дневном цикле, следует рассматривать как принадлежащую к одному из последних подразделений цикла современного земного человечества, относительно, таким образом, недавнюю; и действительно, не стремясь дать уточнения, которые трудно было бы проверить, можно сказать, что она, конечно, принадлежит ко второй половине настоящей Манвантары.[16] Кроме того, как осень соответствует вечеру дня, так можно видеть прямой намек на атлантический мир в том, что в древнееврейской традиции (наименование которой, впрочем, свидетельствует о западном происхождении) мир был создан в день осеннего равноденствия (первый день месяца Тишри (Thishri) согласно определенной перестановке букв слова Берешит (Bereshit)); и в этом, возможно, заключена самая непосредственная причина (существуют и другие, более глубокого порядка) появления «вечера» (ereb) прежде «утра» (boqer) в рассказе о «днях» Творения.[17] Это могло бы найти подтверждение в том факте, что буквальное значение имени Адам «красный», атлантическая традиция, таким образом, являлась традицией красной расы; кажется, также, что библейский потоп прямо соответствует катаклизму, в котором исчезла Атлантида, и что, следовательно, его нельзя

отождествлять с потопом Сатьяврата, который, согласно индуистской традиции, прямо происходящей от изначальной Традиции, непосредственно предшествовал началу нашей Манвантары.[18] Разумеется, этот смысл, который можно назвать историческим, вовсе не исключает другие смыслы; впрочем, никогда не следует упускать из виду, что, согласно аналогии, существующей между главным циклом и второстепенными циклами, на которые он подразделяется, все рассмотренные черты этого порядка всегда применимы и к различным степеням; мы хотим сказать, что, как представляется, атлантический цикл был принят как базовый для древнееврейской традиции, что передача была исполнена, таким образом, через посредство египтян, в чем нет ничего невероятного, или каким-нибудь иным образом.

Если мы делаем эту последнюю оговорку, то потому что кажется особенно трудно определить, как произошло соединение потока, идущего с Запада после исчезновения Атлантиды, с другим потоком, спускающимся с Севера и происходящим непосредственно от изначальной Традиции, соединение, результатом которого должно было быть установление различных традиционных форм, свойственных последней части Манвантары. Во всяком случае, речь при этом не идет о простом поглощении в изначальной Традиции заново всего того, что из нее вышло в предшествующую эпоху; речь идет о чем-то вроде взаимопроникновения форм, до этого дифференцированных, для того, чтобы дать рождение другим формам, приспособленным к новым обстоятельствам места и времени; тот факт, что оба течения представляются тогда в некотором роде автономными, может в еще большей мере способствовать иллюзии независимости атлантической традиции. Тогда, если хотят найти условия осуществления этого соединения, несомненно, следовало бы придавать особую важность кельтам и халдеям, имя которых одно и то же, на деле означает не отдельный народ, а священническую касту; но кто сегодня знает, чем были кельтская и халдейская традиции, так же, впрочем, как и традиция древних египтян? Невозможно быть слишком осторожным, когда речь идет о полностью исчезнувших цивилизациях; и конечно, попытки реконструкции, которым предаются профанные археологи, не способны прояснить вопрос; но не менее верно, что множество остатков забытого прошлого выходят в наше время из земли, и происходит это не без основания. Не рискуя ни в малейшей степени предсказывать то, что может последовать из этих открытий (причем те, кто их делал, вряд ли мог подозревать их позитивное значение), надо видеть в этом, несомненно, «знамения времени»: не должно ли быть все снова обретено к концу

Манвантары, чтобы служить точкой отправления для выработки будущего цикла?

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ОБ ИМЕНИ АДАМ

В нашей статье «О месте атлантической традиции в Манвантаре» мы говорили, что буквальное значение имени Адам — «красный» и что в этом можно увидеть одно из указаний на связь древнееврейской традиции с атлантической, которая была традицией красной расы. С другой стороны, наш коллега Арго (Argos) в своей интересной хронике о «крови и некоторых ее мистериях» рассматривает для этого же самого имени Адам словообразование, которое может показаться отличающимся от этого: после упоминания об обычной интерпретации, согласно которой оно обозначает «извлеченный из земли» (adamah), он спрашивает, не происходит ли оно от слова dam «кровь», но различие это только видимое, все эти слова имеют на самом деле один и тот же корень.

Следует отметить, что с лингвистической точки зрения народная этимология, которая сводится к выведению Адама из adamah, переводимого как «земля», невозможна; обратное словообразование было бы еще более неуместным; но в действительности, оба имя существительных, и то и другое, происходят от одного и того же глагольного корня adam, который означает «быть красным». Adamah не означает, по крайней мере, первоначально, ни землю вообще (erets), ни стихию земли (iabashah, слово, первоначальный смысл которого указывает на «сухость» как характерное качество этой стихии); собственно, красная глина по своим пластическим качествам в особенности пригодна предоставлять собою определенную потенциальность, способность воспринимать формы; и труд гончара часто принимается в качестве символа творения проявленных существ из первоначально недифференцированной субстанции. По этой же причине «красная земля», как представляется, обладает особой важностью в герметическом символизме, где она может приниматься как один из образов «первоматерии», хотя, если ее понимать в буквальном смысле, она может играть эту роль только лишь весьма относительным образом, поскольку она уже наделена определенными свойствами. Добавим, что родственность между обозначением земли и именем Адама, принимаемого в качестве образца человечества, обнаруживается в иной форме в латинской языке, где слово «humus», земля, также является особенно близким словам homo и

humanus. С другой стороны, если более специально соотносят само это имя Адам с традицией красной расы, то среди стихий она соответствует земле, так же как и с Западом среди стран света, и это последнее соответствие еще более подтверждает то, что мы только что сказали.

Что касается слова dam «кровь» (которое является общим для древнееврейского и арабского), оно также образуется от того же корня adam:[19] кровь, собственно говоря, это красная жидкость, в этом ее, действительно, самый непосредственно явный признак. Следовательно, родственность между обозначением крови и именем Адама бесспорна и сама она объясняется словообразованием от общего корня; но это словообразование является прямым как для одного, так и для другого, чтобы придти к имени Адам, не надо, исходя из глагольного корня adam проходить через посредника dam. Можно было бы, по правде говоря, рассматривать это иным образом, лингвистически менее строго, и сказать, что именно по причине своей крови человек назван «красным»; но такое объяснение является мало удовлетворительным, потому что факт обладания кровью свойственен не только человеку, но является общим для всех видов животных, он не может, таким образом, характеризовать его на самом деле. В герметическом символизме красный цвет, действительно, является цветом животного царства, так же как зеленый цвет это цвет растительного царства, а белый — минерального царства;[20] и то, что касается красного цвета может быть отнесено именно к крови, рассматриваемой как вместилище или скорее как опора животной витальности, собственно говоря. С другой стороны, если вернуться к более частному отношению имени Адам к красной расе, то последняя не кажется, несмотря на свой цвет, соотносимой с преобладанием крови в ее органической конституции, так как сангвинический темперамент соответствует огню среди стихий, так же как она соответствует Югу среди стран света.

Среди производных от корня adam назовем еще слово edom, которое означает «рыжий» и которое, впрочем, отличается от имени Адам знаками гласных; в Библии Edom это прозвище Esau, откуда происходит имя эдомитов, данное его потомкам, и имя Идумея, страны, в которой они обитали (которая на древнееврейском также есть Эдом, но в женском роде). Это напоминает нам о «семи царях Эдома», о которых идет речь в «Зогаре», а близкое сходство Эдома и Адама может быть одним из оснований, на котором это имя здесь принимается для обозначения исчезнувших человечеств, то есть человечеств предшествующих

Манвантар.[21] Здесь можно также увидеть отношение этого последнего пункта к вопросу о так называемых «преадамитах»: если Адама принять как начало красной расы и ее особой традиции, то речь может идти просто о других расах, которые ей предшествовали по ходу современного человеческого цикла; если же его принимают в более широком смысле как прототип всего современного человечества, то речь будет идти о тех предшествующих человечествах, которые как раз имеются в виду под «семью царями Эдома». Во всяком случае, дискуссии по этому вопросу представляются довольно тщетными, так как в этом нет никакого затруднения; во всяком случае его нет по крайней мере в исламской традиции, в которой существует хадис (слово Пророка), в котором сказано, что «до Адама, который нам известен, Бог создал сто тысяч Адамов» (то есть неопределенное число), представляющий собою довольно четкое подтверждение того, что существует множество циклических периодов и соответствующих человечеств.

Поскольку мы упоминали о крови как об опоре витальности, мы напомним, что, как мы уже имели случай объяснять в одной из наших работ,[22] кровь, действительно, образует одну из связей телесного организма с тонким планом живого существа, который и есть, собственно говоря, «душа» (nephesh haiah Творения), то есть в этимологическом смысле (анима) оживляющий и одушевляющий принцип существа. Тонкое состояние в индуистской традиции называется Тайджаса, по аналогии с теджас, или со стихией огня; и так как огонь со стороны своих собственных качеств поляризован на свет и тепло, то тонкое состояние связано с телесным состоянием двумя различными взаимодополнительными способами, посредством крови соотносится с качеством тепла, а посредством нервной системы — с качеством света. Действительно, кровь есть, даже с простой физиологической точки зрения, носитель животного тепла; это объясняет соответствие, которой мы выше указывали, сангвинического темперамента со стихией огня. С другой стороны, можно сказать, что в стихии огня свет представляет собою высший аспект, а тепло аспект низший: исламская традиция учит, что ангелы были созданы из «божественного огня» (или из «божественного света»), и что те из них, кто вслед за Иблисом восстал, потеряли светимость своей природы, но сохранили только темный жар.[23] Следовательно, можно сказать, что кровь находится в прямой связи с низшей стороной тонкого плана; и отсюда следует запрет на кровь как пищу, ее поглощение, вовлекающее в то, что есть самого грубого в

животной витальности, что ассимилируется и тесно смешивается с психическими началами человека, действительно может привести к самым тяжелым последствиям. С этим же связано и частое использование крови в магических практиках, в том числе и колдовстве (как привлекающее инфернальные «сущности» в согласии с природой); но с другой стороны, она также восприимчива и для переноса в высший порядок, и отсюда ритуалы, либо религиозные, либо ритуалы посвящения, (как митраическая «тавроболия»), заключающие в себе животные жертвы; как об этом уже говорилось в этой связи о жертве Авеля в противоположность бескровной жертве Каина; возможно, мы к этому при случае вернемся.

КАББАЛА

Термин Каббала означает на древнееврейском не что иное, как «традиция» в самом общем смысле; и хотя чаще всего он обозначает эзотерическую традицию или традицию, связанную с посвящением, когда его используют без специальных уточнений, но иногда также бывает, что его применяют к самой экзотерической традиции.[24] Сам по себе этот термин способен, таким образом, обозначать любую традицию; но раз он принадлежит к древнееврейскому языку, то нормально, при его использовании в других языках, относить его только к древнееврейской традиции, или (если предпочитают иной, возможно, более точный способ выражения) к специальной древнееврейской форме традиции, это же мы отмечали и для других случаев. И если мы настаиваем на этом, то потому что мы встречали у некоторых авторов тенденцию придавать другой смысл этому слову, делать из него обозначение специальных традиционных познаний, где, впрочем, они, действительно, находятся, и это происходит потому, что в самом слове хотят открыть много такого, более или менее экстраординарного, чего так на самом деле вовсе не содержится. Мы совершенно не намерены терять время на показ всех этих фантастических интерпретаций; полезнее уточнить истинное первоначальное значение слова, чего было бы достаточно, чтобы свести их на нет, именно это мы и предполагаем сейчас сделать.

Корень КБЛ (QBL) на еврейском и арабском по существу означает отношение двух вещей, которые расположены друг напротив друга; из этого следуют все различные смыслы слов, которые являются его производными, как, например, смыслы встречи и даже оппозиции. Из этого отношения происходит также идея перехода одного в другое двух имеющихся в наличии определений, откуда происходят такие идеи, как «принимать», «встречать», «получать», выражаемые в обоих языках глаголом qabal; отсюда прямо происходит qabbalah, это собственно означает «то, что воспринято» или передано (по латыни traditum) от одного к другому. Мы видим, что здесь появляется вместе с идеей передачи идея последовательности; но надо заметить, что первый смысл корня означает отношение, которое может быть как последовательным, так и одновременным, как пространственным, так и временным. Этим объясняется двойной смысл предлога qabal на древнееврейском языке, а на арабском qabl, означающим одновременно и «перед» (devant) (то есть

перед лицом, в пространстве) и «до» (avant) (во времени); тесное родство этих двух слов «devant» и «avant» даже во французском языке хорошо показывает, что между этими двумя разными модальностями, одновременности и последовательности, всегда устанавливается определенная аналогия. Одновременно это позволяет разрешить видимое противоречие: хотя чаще всего, когда речь идет о временном отношении, это будет идея предшествования и она, следовательно, будет относиться к прошлому, иногда все же бывает, что производные того же самого корня обозначают будущее (на арабском mustaqbal, то есть буквально то, чему идут навстречу от istaqbal, «идти навстречу»); но не говорится ли также по-французски, что прошлое» «до» («avant») нас, а будущее «перед» («devant») нами, что весьма сходно? В целом, довольно того, что во всех случаях один из двух рассматриваемых терминов будет или «перед» («devant») или «до» («avant»), другого, идет ли речь при этом о пространственных или о временных отношениях.

Все эти замечания еще раз можно подтвердить при рассмотрении другого корня, также общего для древнееврейского и арабского языков и имеющего значения, очень близкие к тем, можно даже сказать, отчасти тождественные, так как насколько бы четко не отличалась отправная точка, производные смыслы достигают соединения. Это корень КДМ (QDM), который в первую очередь выражает идею «предшествования» (qadam), к чему бы все это ни относилось: к временному предшествованию или к первенству некоего порядка. Таким образом, для слов, производных от этого корня, помимо смыслов происхождения и древности (qedem на древнееврейском, qidm или qidam на арабском), смысл первичности или первенства, даже хода вперед или постепенного развития (на арабском taqaddum);[25] и здесь также, предлог qadam на древнееврейском и qoddam на арабском имеет двойной смысл «перед» и «до». Но основной смысл здесь означает то, что есть первое либо иерархически, либо хронологически; поэтому чаще всего выражаемая им идея есть идея происхождения или изначальности, например, если речь идет о временном порядке, то идея древности: так qadmon на древнееврейском, qadim на арабском означают «древний» в обиходном употреблении, но когда они относятся к области принципов, то их следует переводить как «изначальный».[26]

По поводу тех же самых слов уместно привести и другие соображения, которые не лишены интереса: на древнееврейском производные корня QDM служат также для обозначение Востока, то есть стороны «начала» в

том смысле, что там появляется восходящее солнце (oriens от oriri, от которого происходит также origo на латыни), отправная точка дневного движения солнца; и в то же время это точка, которую имеют перед (devant) собой, когда «ориентируются» (s'oriente), поворачиваясь на солнце при его восходе.[27] Таким образом, qedem означает также «Восток», а qadmon — «восточный»; но в этих обозначениях не следует усматривать утверждения изначальности Востока с точки зрения человеческой земной истории, потому что, как мы уже имели множество случаев говорить об этом, первичное происхождение традиции является нордическим, даже «полярным», а не восточным или западным; только что данное нами объяснение мы находим вполне достаточным. Добавим по этому поводу, что вопросы «ориентации» вообще имеют довольно большое значение в традиционном символизме и в ритуалах, основывающихся на этом символизме; они, в конечно счете, гораздо более сложны, чем об этом могут думать и чтобы можно было бы ими пренебрегать, так как в разных традиционных формах существует множество различных способов ориентации. Когда по отношению к восходящему солнцу находятся так, как мы только что говорили, то Юг обозначается как «сторона справа» (yamin или уатап; см. на санскрите «дакшина», dakshina, имеющая тот же самый смысл), а Север есть «сторона слева» (shemol на древнееврейском, shimal на арабском); но бывает также, что ориентируются, поворачиваясь к солнцу в полдень, и тогда точка, которую видят перед собой, больше не является Востоком, но Югом: на арабском же языке, среди прочих значений, сторона Юга — это кибла (qiblah), а прилагательное qibli означает «южный». Эти последние определения приводят нас к корню QBL; известно также, что самим этим словом «кибла» в Исламе обозначается ритуальная ориентация; это в любом случае направление, которое имеют перед собой; и что еще довольно любопытно, так это то, что орфография этого слова qiblah в точности тождественна орфографии древнееврейского слова qabbalah.

Теперь можно поставить вопрос, почему на древнееврейском языке традиция обозначается словом, производным от QBL, а не от корня QDM? Можно попробовать сказать, что в этом отношении древнееврейской традиции, которая образует лишь только вторичную и производную форму, не очень подходит обозначение, приводящее на ум идею происхождения или изначальности; но этот довод не кажется нам существенным, так как прямо или нет, но все традиции связаны с началами и происходят от изначальной Традиции, и мы видели в другом месте, что любой священный язык, включая древнееврейский и арабский, рассматриваются как

представляющий определенным образом язык первоначальный. Поистине, кажется, что здесь должны быть очевидной идея постоянной и непрерывной передачи, идея, выражаемая, собственно, самим словом «традиция», как мы и сказали вначале. Эта передача образует «цепь» (shelsheleth, шелшелет на древнееврейском, silsilah, силсила на арабском), которая соединяет настоящее с прошлым и которая должна конституироваться от настоящего к будущему: это «цепь традиции» (shel sheleth ha-qabbalah) или «цепь посвящения», о которой мы имели случай недавно говорить; и это также определение направления (и мы вновь здесь находим смысл арабского слова qiblah), которое через всю последовательность времен ориентирует цикл к его концу и соединяет с его началом, и которое, распространяясь даже за эти две крайние точки ввиду того, что его принципиальный источник вневременной и «не человеческий», гармонично связывает его с другими циклами, содействуя им в формировании вместе с ними более обширной «цепи», той, что некоторые восточные традиции называют «цепью миров», где постепенно интегрируется весь порядок универсального проявления.

КАББАЛА И НАУКА ЧИСЕЛ

Мы часто настаивали на том факте, что «священные науки», принадлежащие к определенной данной традиционной форме, реально составляют ее интегральную часть, по крайней мере, в качестве вторичных и подчиненных элементов, вовсе не представляя их как какие-то случайные добавления, более или менее искусственно к ней привязанные. Этот момент обязательно следует понимать и никогда не терять его из виду, если желают проникнуть хоть в малейшей степени в истинный дух традиции; тем более необходимо привлечь внимание к этому, что в наши дни довольно часто у тех, кто претендует на изучение традиционных учений, можно констатировать тенденцию не учитывать науки, о которых идет речь, либо по причине особой сложности, которой требует их усвоение, либо потому, что помимо невозможности втиснуть их в рамки современных классификаций, их присутствие особенно стеснительно для тех, кто старается свести их к экзотерической точке зрения и интерпретировать эти учения в терминах «философии» или «мистицизма». Не желая лишний раз распространяться о тщетности таких исследований, предпринятых «извне» и с совершенно профанными интенциями, мы еще раз напомним, поскольку постоянно видим своевременность этого, что искаженные концепции, к которым они неизбежно приходят, конечно, являются чем-то еще более худшим, чем простое незнание.

Иногда случается, что традиционные науки играют более важную роль, чем та, о которой мы только что говорили, и что помимо своей собственной ценности, присущей им самим по себе в их собственном порядке, они принимаются как символические средства выражения для высшей и сущностной части учения, хотя она становится совершенно непостижимой, если ее стремятся отделить от них. Именно это и происходит, когда речь идет о древнееврейской Каббале, с «наукой о числах», которая по большей части отождествляется с «наукой о буквах», так же как в исламском эзотеризме, в силу самого устройства двух языков, древнееврейского и арабского, которые, как мы только что отмечали, так близки друг к другу во всех отношениях.[28]

Преобладающая роль науки о числах в Каббале представляет собою столь очевидный факт, что его не может обойти даже самый поверхностный наблюдатель, и почти невозможно для «критиков», исполненных в наибольшей степени предрассудков и предубеждений,

отрицать или утаивать это. Тем не менее они не упускают случая дать этому факту ошибочные истолкования, чтобы втиснуть его как-нибудь в рамки своих предвзятых идей; мы предполагаем здесь развеять эти более или менее добровольные заблуждения, причина которых по большей части лежит в злоупотреблении слишком известным «историческим методом», который стремится видеть «заимствования» повсюду, где он констатирует определенное сходство.

Известно, что в университетской среде в моде предполагать связь Каббалы с неоплатонизмом, таким образом одновременно уменьшается и ее древность и ее значение; не принимается ли при этом в качестве бесспорного принципа, что все может происходить только от греков? К несчастью забывают, что сам неоплатонизм содержит множество элементов, ничего специфически греческого в себе не имеющих, и что как раз иудаизм в александрийской среде обладал значением, очень далеким от пренебрежения, хотя, если реально и были заимствования, то возможно, что они осуществлялись в направлении, противоположном тому, которое утверждается. Эта гипотеза была бы даже более правдоподобна, прежде всего потому, что усвоение чужого учения вовсе не согласуется с «партикуляризмом», который всегда был одной из доминирующих черт древнееврейского духа, а затем и потому, что если иметь в виду неоплатонизм, он в любом случае представляет собою относительно экзотерическое учение (т. е. лишь его «экстериоризацию», даже если оно и основано на данных эзотерического порядка) и как таковой он не может осуществлять реальное влияние на, по существу, инициатическую и даже «закрытую» традицию, каковой всегда была Каббала.[29] Мы, впрочем, не видим ни того, имеется ли между ней и неоплатонизмом особенно впечатляющее сходство, ни того, чтобы числа в нем, в той форме, в какой он выражается, играли бы ту же роль, которая так характерна для Каббалы; к тому же, греческий язык вовсе не допускает этого, тогда как, мы повторяем, есть нечто, что свойственно самому древнееврейскому языку и что, следовательно, должно быть связано с самого начала с традиционной формой, выражаемой им.

Разумеется, неуместно было бы оспаривать, что традиционная наука чисел существовала также и у греков; она была там, как известно, основой пифагореизма, который не был просто философией, но он также носил характер посвящения; и отсюда Платон извлек не только всю космологическую часть своего учения, как он именно ее представляет в «Тимее», но также и свою «теорию идей», которая по сути есть лишь переделка, в соответствии с отличающейся терминологией, пифагорейских

концепций о числах, рассматриваемых как принципы вещей. Если действительно хотят найти у греков предел сравнения с Каббалой, то необходимо было бы восходить к пифагореизму; но именно в этом как раз и проявляется вся бессодержательность положения о «заимствованиях»: здесь мы находим два инициатических учения, которые в одинаковой степени придают важное значение науке о числах; но наука это в обоих случаях представлена в радикально различающихся формах.

Здесь будет полезно сделать несколько замечаний более общего порядка: нормально, что та же самая наука встречается в разных традициях, так как истина, в какой бы области это ни было, не является монополией одной традиционной формы, исключающей другие; следовательно, этот факт не может вызывать удивление, разве что у «критиков», которые не верят в истину; но как раз противоположное этому было бы не только удивительно, но и довольно трудно постижимо. В этом нет ничего такого, что заключало бы в себе более или менее прямую коммуникацию между двумя различными традициями, даже в том случае, когда одна из них бесспорно более древняя, чем другая: разве нельзя констатировать определенную истину и выразить ее независимо от тех истин, которые уже были выражены до этого, и не является ли эта независимость тем более вероятной, что сама эта истина будет выражена фактически другим образом? Впрочем, следует отметить, что это ничуть не входит в противоречие с общим происхождением всех традиций; но передача принципов, исходя из этого общего происхождения, не влечет за собой необходимым и эксплицитным образом передачу всех разверток, которые там заключены, и всех тех приложений, которым они могут дать место; одном словом, все, что имеет дело с «приспособлением», может рассматриваться как собственно принадлежащее к той или иной частной традиционной форме, и если находят ее эквивалент в другом месте то потому что из одних и тех же принципов надлежит извлекать одинаковые следствия, каков бы ни был при этом особый способ, которым они выражались в том или другом случае (разумеется, с оговоркой относительно некоторых символических типов выражения, которые, будучи повсюду теми же самыми, должны рассматриваться как восходящие к изначальной Традиции). Впрочем, различия в форме, в основном, будут тем большими, чем дальше будут удаляться от принципов, чтобы спуститься к более случайному порядку; в этом заключается главная трудность понимания некоторых традиционных наук.

Как легко понять, эти наблюдения почти совсем снимают интерес к тому, что касается истока традиций или происхождения элементов,

которые они в себе содержат, с «исторической» точки зрения, как ее понимают в профанном мире, потому что они делают совершенно бесполезным предположение какой-либо непосредственной преемственности; и даже там, где отмечается гораздо более близкое сходство между двумя традиционными формами, это сходство может объясняться не столько через «заимствования», часто довольно невероятные, сколько через «сродство», возникающее из определенного ансамбля общих или сходных условий (раса, тип языка, способ существования и т. д.) у народов, которым соответственно эти формы адресованы.[30] Что касается реальных случаев преемственности, то не следует утверждать, что они должны быть полностью исключены, так как очевидно, что все традиционные формы не следуют непосредственно из изначальной Традиции, но что другие формы должны иногда играть роль посредников; но последние чаще всего полностью исчезли, и эти передачи, в основном, восходят к эпохам, настолько далеко удаленным, что обыкновенная история, поле исследования которой в целом очень ограничено, не может об этом иметь ни малейшего познания, не говоря уже о том, что средства, которыми осуществлялись эти передачи, вовсе не могут быть доступны ее методам исследования.

Все это только по видимости удаляет нас от предмета нашего рассмотрения, и возвращаясь к отношениям между Каббалой и пифагореизмом, мы может теперь поставить следующий вопрос: если ее и нельзя прямо вывести из последнего, так же, как и предположить, что она ему реально предшествует, и не только по причине слишком большого различия по форме, к которому мы еще вернемся более конкретным образом, то нельзя ли по крайней мере для обоих рассматривать общий источник происхождения, который был бы, согласно видению некоторых, традицией древних египтян (что, разумеется, отсылает нас гораздо дальше александрийского периода)? Такова, скажем сразу, теория, которой слишком часто злоупотребляли; в том, что касается иудаизма, то нам представляется невозможным, вопреки более или менее фантастическим утверждениям, открыть в нем хотя бы малейшее отношение ко всему тому, что можно узнать о египетской традиции (мы говорим о форме, которую одну только следует при этом рассматривать, потому что, с другой стороны, содержание во всех традициях с необходимостью должно быть тождественным); несомненно, более реальными связями были связи с халдейской традицией, были ли они ответвлением от нее или простым сродством, и настолько, насколько возможно поистине постичь что-нибудь в этих традициях, угасших уже столько веков тому назад.

Что касается пифагореизма, то вопрос, может быть, более сложен; а путешествия Пифагора, надо ли их понимать буквально или символически, не предполагают с необходимостью фактических заимствований из учений того или иного народа (по крайней мере, того, что касается существа дела, хотя это и возможно относительно некоторых частных моментов), но предполагают скорее установление и укрепление определенных связей с более или менее эквивалентными посвящениями. И действительно, представляется, что пифагореизм был скорее продолжением чего-то, что существовало до этого в самой Греции, и что неуместно искать где-нибудь в другом месте его первоначальный исток: мы хотим сказать о мистериях и, в частности, об орфизме, «реадаптацией» которого он был, в эту эпоху VI века до наступления христианской эры, в которой, при странном синхронизме, видны изменения форм, происходящие в традициях сразу почти всех народов. Часто говорят, что греческие мистерии сами были египетского происхождения, но столь общее утверждение является слишком «упрощенческим», если и могло так быть в некоторых случаях, как это было в элевсинских мистериях (о которых, кажется, при случае вспоминают чаще всего), то среди них существуют и другие, для которых это совершенно не приемлемо.[31] Однако когда речь идет о самом пифагореизме или о предшествующем орфизме, то вовсе не в Элевсине следует искать «пункт приписки», а в Дельфах; а Дельфийский Аполлон является отнюдь не египетским, а гиперборейским, происхождение которого никоим образом нельзя отнести к древнееврейской традиции;[32] таким образом, это привело нас с самой важной точке, касающейся науки о числах и тех различных форм, в которых она облекается.

Эта наука о числах представляется тесно связанной с наукой о геометрических формах; также, впрочем, обстоит дело и у Платона, который в этом отношении чистый пифагореец. В этом можно видеть выражение характерной черты эллинского менталитета, связанного, в основном, с рассмотрением визуальных форм; и действительно, известно, что среди математических наук греки особенно развивали именно геометрию.[33] Тем не менее, в этом есть еще нечто большее, по крайней мере в том, что касается «священной геометрии», о чем и идет здесь речь: Бог «геометр» Пифагора и Платона, понимаемый в своем самом точном, можно сказать, «техническом» значении, есть не кто иной, как Аполлон. Мы не можем здесь развертывать эту тему, это завело бы нас слишком далеко, возможно, мы при случае вернемся к этому вопросу; сейчас нам достаточно отметить, что этот факт четко противостоит гипотезе об общем

происхождении пифагореизма и Каббалы, и как раз в том пункте, в котором особенно стараются их сблизить и который, по правде говоря, является единственным пунктом, порождающим идею такого сближения, т. е. это видимое сходство двух учений, относящееся к той роли, какую в них играет наука о числах.

В Каббале эта наука о числах ни в коей мере не представляется связанной также и с геометрическим символизмом; легко понять, что это именно так, потому что этот символизм не может подходить народам-кочевникам, каковыми по существу были вначале древние евреи и арабы.[34] Напротив, здесь мы находим нечто такое, чему нет эквивалента у греков: тесное единство, можно даже сказать во многих отношениях отождествление науки о числах с наукой о буквах на основании нумерических соответствий с ними; как раз это исключительно характерно для Каббалы[35] и совершенно не встречается в других местах, по крайней мере в том же аспекте и в таком же развитии, кроме как в исламском эзотеризме, о чем мы уже говорили, т. е. в конечном счете, в арабской традиции.

На первый взгляд может показаться странным, что размышления такого рода оставались чуждыми грекам,[36] потому что и у них буквы имеют нумерическую ценность (которая, впрочем, одинакова в древнееврейском и арабском алфавитах для тех букв, которые являются для них общими) и что у них даже никогда не было других знаков нумерации. Объяснение этого факта, тем не менее, достаточно просто: греческая письменность на самом деле есть лишь иностранное заимствование (либо «финикийское», либо «кадмейское», то есть восточное, если не делать особого уточнения, и сами имена букв являются свидетельством этого) и с самим языком[37] в своем нумерическом или ином символизме на самом деле никогда не составляла единого тела, если так можно выразиться, Напротив, в таких языках, как древнееврейский и арабский, значение слов неотделимо от буквенного символизма, и невозможно было бы им дать полную интерпретацию, относящуюся к их самому глубокому смыслу, который на самом деле важен с традиционной и инициатической точки зрения (так как нельзя забывать, что речь здесь идет, по существу, о «священных языках»), не учитывая нумерическую ценность букв, из которых они состоят; отношения, существующие между нумерически эквивалентными словами, и замещения, которым они дают место, являются в этом отношении особенно очевидным примером.[38] Следовательно, есть в этом нечто, как мы говорили вначале, что существенно зависит от конституции самих этих языков, что связано с ней

собственно «органическим» образом, далеким от того, чтобы присоединяться извне, как это происходит с греческим языком, в конечном счете; и это начало, находящееся и в древнееврейском и в арабском языках, можно законным образом рассматривать как происходящее из общего истока этих двух языков и двух традиций, которые они выражают, то есть из того, что может быть названо «аврамической» традицией.

Теперь мы можем из этих размышлений извлечь значительные выводы: а именно, когда мы рассматриваем науку о числах у греков и у древних евреев, мы видим ее облаченной в две очень различающиеся формы и опирающиеся одна на геометрический символизм, а другая на буквенный символизм.[39] Следовательно, возникает вопрос не о «заимствовании» с той или другой стороны, а только об эквивалентности, которая с необходимостью встречается между всеми традиционными формами; впрочем, мы полностью оставляем в стороне любой вопрос, в этих условиях не представляющий никакого подлинного интереса и, может быть даже неразрешимый, о «приоритете» реальной отправной точки, могущей оказаться далеко за пределами эпох, для которых можно установить хронологию, хоть сколько-нибудь строгую. Впрочем, гипотеза непосредственно общего происхождения также должна быть отвергнута, так как мы видим, с одной стороны, традицию, в которой эта наука составляет интегральную часть, восходящую к «аполлоновскому» истоку, то есть непосредственно гиперборейскому, а с другой, к «аврамическому» истоку, который, вероятно, и сам привязывает себя главным образом (как, впрочем, об этом говорят сами имена евреев и арабов) к традиционному течению, идущему от «потерянного на Западе острова».[40]

«ЕВРЕЙСКАЯ КАББАЛА»[41]

До сегодняшнего дня в изучении Каббалы не существовало ни одной работы, отличающейся достаточно серьезным характером; действительно, книга Адольфа Франка, несмотря на свою репутацию, показывала, насколько ее автор, полный университетских предрассудков и совершенно незнающий еврейского языка, был неспособен понять предмет, который он силился трактовать; что же касается некоторых компиляций, сколь неудобоваримых, столь и фантастических, например, как у Папюса, то о них лучше даже не говорить. Таким образом, здесь имеется пробел, требующий восполнения; представляется, что важная работа Поля Вюльо (Paul Vulliaud)[42] должна была предназначаться для этого дела; но хотя эта работа была выполнена очень добросовестно и содержит много интересного, мы должны признаться, что мы испытали некоторое разочарование, читая ее.

Этот труд, который мы были бы счастливы рекомендовать без всяких сомнений, все же не дает того, что, как кажется, обещает его очень общее заглавие, а содержание этой книги очень далеко от того, чтобы быть безупречном.

По правде говоря, подзаголовок «Критическое эссе» мог бы уже нас насторожить в отношении того духа, в котором была задумана эта книга, поскольку мы слишком хорошо знаем, что надо понимать под словом «критика», когда оно используется «официальными» учеными; но г-н Вюльо не принадлежит к этой категории, и мы поначалу были просто удивлены, что он употребляет выражение, допускающее такую ложную интерпретацию. Вследствие этого мы лучше поняли интенцию того, что автор хотел посредством этого заставить нас увидеть; эту интенцию мы нашли очень четко выраженной в замечании, в котором он заявляет то, что обозначается как «двойная цель»: «Изучить Каббалу и ее историю, и затем, одновременно с этом, представить тот научный метод, согласно которому работают авторы, известные, по большей части, с наилучшей стороны» (т. II, с. 206).

Таким образом, для него речь не идет о том, чтобы следовать за упомянутыми авторами или же разделять их предрассудки, но напротив, о том, чтобы сражаться с ними, и мы не можем не приветствовать этого. Он только хотел сражаться с ними на их собственной территории и в

некотором роде их собственным оружием, и ради этого он становится, так сказать, критиком самих критиков. Действительно, он также становится на точку зрения одной лишь эрудиции; но хотя он и делает это добровольно, можно все же спросить, до какой степени эта установка была приемлемой и выигрышной. Г-н Вюльо оправдывается в том, что он каббалист; и оправдывается в этом с такой настойчивостью, что мы удивлены и не можем этого хорошенько понять. Не окажется ли он таким образом среди тех, кто прославились как «профаны», кого до настоящего времени мы встречали лишь в «официальной» среде и по сравнению с кем он свидетельствует настоящую строгость? Он доходит даже до того, что квалифицирует себя как «простого любителя»; мы думает, что он так просто смеется сам над собой. Не лишается ли он таким образом значительной части того авторитета, который ему так необходим перед лицом авторов, утверждения которых он оспаривает? В конце концов, эта позиция рассматривать учение только с профанной точки зрения, то есть «извне», как нам кажется, исключает всякую возможность глубокого понимания. Более того, даже если эта установка лишь напускная, она все же не менее достойна сожаления, поскольку, даже достигнув для себя упомянутого понимания, он обязан будет таким образом ничего не обнаруживать, и польза в части самого учения окажется сильно приуменьшенной. Что же касается критической части, то автор скорее примет роль полемиста, чем квалифицированного судьи, что для него будет очевидным принижением. Впрочем, две цели для одной работы, это, пожалуй, слишком много, а в случае с г-м Вюльо, очень жаль, что вторая из этих целей, как он их обозначил выше, заставляет его слишком часто забывать о первой, которая тем не менее и по большей части является гораздо более важной. Дискуссии и критика, действительно, следуют друг за другом в его книге от одного края до другого, и даже в тех главах, названия которых заявляют скорее о чисто доктринальном предмете; из всего этого создается впечатление некоторого беспорядка и смешения. С другой стороны, среди критики, которую г-н Вюльо выдвигает, если есть такая, которую можно считать совершенно оправданной, и ее больше (например, критика, касающаяся Ренана и Франка, и также некоторых оккультистов), но есть и другая, более спорная; такова, в особенности, критика, касающаяся Фабра д’Оливе, перед которым г-н Вюльо, кажется, превращается в некое эхо ненависти раввинов (разве что он не наследовал ненависть самого Наполеона к автору «Восстановленного древнееврейского языка», но эта вторая гипотеза гораздо менее правдоподобна). В любом случае, даже если речь идет о самой законной

критике, такой, которая могла бы внести свой вклад в разрушение узурпированной известности, нельзя ли было бы сказать то же самое короче и, в особенности, более серьезно и менее агрессивным тоном? Работа, конечно, от этого бы выиграла, во-первых, потому что тогда она не имела бы полемического вида (этот аспект обнаруживается часто и злонамеренные люди могут легко использовать его против самого же автора), но более серьезно то, что содержание тогда в меньшей степени было бы посвящено рассмотрению того, что, в целом, является лишь второстепенным и представляет весьма относительный интерес. Есть и другие вызывающие сожаление промахи: несовершенство формы иногда смущает; мы хотим сказать не только об опечатках, которых крайне много и из которых список опечаток указывает лишь небольшое число, но и о слишком часто встречающихся погрешностях, которые трудно отнести, даже при большой доле доброжелательности, на счет типографии. Есть большое число «ляпсусов», которые поистине неуместны. Мы обнаружили некоторые, наиболее любопытные находятся во втором томе, как будто он писался более поспешно. Так например, Франк не был «профессором в Коллеж Станислас» (с. 241), а в Коллеж де Франс, что сильно различается. Г-н Вюльо пишет также Cappelle, иногда также Capele, гебраизируя Луиса Капеля (Louis Cappel), точное имя которого мы можем восстановить с тем большей уверенностью, что когда мы писали эту статью, мы имели перед глазами его собственную роспись. Возможно, г-н Вюльо встречал это имя только в его латинизированной форме? Все это не столь важно; напротив, на 26-й странице речь идет о божественном имени из 26 букв, а далее мы находим, что это же самое имя имеет 42 буквы; это место совершенно невразумительно, и мы себя спрашиваем, нет ли здесь какого-нибудь пропуска. Мы укажем еще на одну небрежность того же рода, но она тем более серьезна, что является причиной настоящей несправедливости; критикуя редактора Британской Энциклопедии, г-н Вюльо заканчивает такой фразой: «Нельзя было ожидать основательной логики у автора, который в одной и той же статье полагает, что каббалистические учения недооценивались слишком часто (absurdly overestimated), и что в то же самое время Зогар — farrago of absurdity» (т. II, с. 419). Английские слова цитированы самим г-ном Вюльо; однако, overestimated вовсе не означает «недооцененный» (который был бы скорее unter-estimated), но как раз наоборот, «переоцененный», что собою представляет как раз противоположность, и таким образом, каковы бы ни были ошибки, содержащиеся в статье этого автора, там, на самом деле, не содержится никоим образом противоречия, в котором его упрекают. Конечно, это всего

лишь детали, но когда столь суровы по отношению к другим и всегда готовы их уличать в промахах, то не следует ли постараться быть безупречным? В транскрипции древнееврейских слов отсутствует единообразие, что поистине неприятно; мы, конечно, знаем, что никакая транскрипция не может быть совершенно точной, но, по крайней мер, если приняли какую-нибудь одну, какова бы она ни была, то предпочтительно было бы постоянно ее придерживаться. Кроме того, есть термины, которые кажутся переведенными слишком наспех и для которых нетрудно было бы найти более удовлетворительный перевод; мы сейчас приведем конкретный пример этого. На странице 49 тома II представлен образ терафима, на котором среди прочих есть слово luz; г-н Вюльо приводит различные смыслы глагола luz, данные Бюксдорфом (Buxdorf), доводя каждый из них до вопросительного знака, пока этом смысл покажется ему уже мало приложимым, но он не подумал, что существует также и существительное luz, которое обычно означает «миндаль» или «ядро» (или также «миндальное дерево», поскольку означает одновременно и дерево и его плод). Однако это же самое существительное на языке раввинов является именем маленькой неразрушимой телесной частички, с которой душа остается связанной после смерти (любопытно отметить, что эта древнееврейская традиция внушила некоторые теории Лейбницу); разумеется, что этот последний смысл и есть самый правдоподобный и, с другой стороны, это подтверждается самим местом, которое занимает слово luz на рисунке.

Автор бывает не прав, приступая по ходу дела к рассмотрению предметов, о которых он, очевидно, гораздо меньше осведомлен, чем о Каббале, и о которых он мог бы счесть возможным не говорить, что позволило бы ему избежать некоторых недоразумений, сколь ни были бы они извинительны (ведь известно, что невозможно быть компетентным во всех областях), которые могут лишь вредить серьезной работе. Так, мы нашли отрывок (том II, с. 377), в котором ставится вопрос о так называемой «китайской теософии», в которой мы с трудом распознали даосизм, не являющийся «теософией» ни в каком смысле этого слова, и краткое изложение которого, сделанное мы не знаем на основе каких источников (поскольку здесь полностью отсутствуют отсылки), является в высшей степени фантастическим. Например, «активная природа, tien (Тянь) = небу», ставится здесь в противоположность «пассивной природе, kouen (Гуань) = земле»; однако, Коиеn никогда не означала «землю», а выражения «активная природа» и «пассивная природа» заставляют в гораздо меньшей степени вспоминать о концепциях Дальнего Востока,

нежели о «творящей природе» и «сотворенной природе» Спинозы. С величайшей наивностью здесь смешиваются две различные дуальности, дуальность «активного совершенства», Khien (Гань), и «пассивного совершенства», Kouen (Гуань) (мы говорим «совершенство», а не «природа»), и дуальность «неба», tien (Тянь) и «земли», ti (Ди).

Поскольку мы в результате пришли к разговору о восточных учениях, то мы приведем еще одно наблюдение по этому поводу: после весьма справедливого замечания относительно несогласия, которое царит между египтологами и другими «специалистами» того же рода, что делает невозможным доверять их мнению, г-н Вюльо указывает, что совершенно то же самое происходит и среди индологов (том II, с. 363), и это так на самом деле; но как же он не разглядел, что этот последний факт совершенно несравним с другими? Действительно, когда речь идет о таких народах, как древние египтяне или ассирийцы, которые исчезли, не оставив законных потомков, то очевидно, что мы не имеем никаких средств непосредственно что-либо проверить, и позволительно проявить определенный скептицизм относительно ценности некоторых фрагментарных и гипотетических реконструкций; напротив, для Индии и Китая, цивилизации которых продолжают существовать и до наших дней и оставаться живыми, совершенно ясно, как тут поступить; важно не столько то, что говорят индологи, а то, что думают сами индусы. Озабоченный тем, чтобы обращаться только к древнееврейским источникам, чтобы узнать, что представляет собою Каббала на самом деле, и он очень прав в этом отношении, потому что Каббала и есть сама древнееврейская традиция, не мог ли Г-н Вюльо догадаться, что ему следует действовать точно также, когда речь идет об изучении других традиций?

Есть и другие вещи, которые г-н Вюльо знает не намного лучше, однако, они должны были бы ему быть более доступны хотя бы потому, что они являются западными. Так, например, розенкрейцерство, о котором он, кажется, знает не более, чем «профанные» и «официальные» историки, и герметический характер которых полностью, как представляется, от него ускользает; он знает только, что речь идет о чем-то полностью отличном от Каббалы (оккультистская и современная идея о некоей «каббалистической Розе и Кресте», действительно, является чисто фантастической), но чтобы поддержать это утверждение и не ограничиваться простым отрицанием, необходимо еще точно доказать, что Каббала и герметизм представляют собою две совершенно различные формы. В том, что касается розенкрейцерства, мы совсем не думаем, что можно было бы «доставить небольшое удовольствие сановникам классической науки», напомнив о том

факте, что Декарт стремился установить отношение с розенкрейцерами во время своего пребывания в Германии (том II, с. 235), так как этот факт более чем общеизвестен; но можно сказать с уверенностью, что этого ему не удалось, а сам дух его трудов, сколь ни был бы он противоположен всякому эзотеризму, является в то же время доказательством и свидетельством этой неудачи. Удивительно видеть цитирование явно иронического посвящения (а именно, к «Математическому Тезаурусу»), как знака возможного вступления в Братство, в котором, напротив, чувствуется вся досада человека, который не смог добиться вступления, к которому он стремился. И что еще более странно, так это ошибки г-на Вюльо относительно масонства; сразу после насмешек над Элифасом Леви, который, действительно, собрал все заблуждения, когда намеревался приступить к разговору о Каббале, г-н Вюльо, говоря о масонстве, тоже формулирует утверждение, которые являются не менее занимательными. Приведем следующий отрывок, который предназначен установить, что не существует никакой связи между Каббалой и масонством: «Следует сделать замечание относительно того факта, что масонство заключают в европейских границах. Масонство универсально, всемирно. Не является ли оно также каббалистическим, как у китайцев, так и у негров?» (том II, с. 319). Разумеется, китайские и африканские тайные общества (последние, в основном, относятся к тайным обществам в Конго) не имеют никакого отношения к Каббале, но они не имеют отношения и к масонству; и если последнее не «заключено в европейских границах», то потому что европейцы ввели его в других частях мира.

А вот еще кое-что, не менее забавное: «Как можно объяснить эту аномалию (если допустить каббалистическое влияние на масонство): франкмасон Вольтер относился к еврейской расе только с презрением?» (с. 324). Г-н Вюльо не знает, что Вольтер был принят в ложу «Девяти сестер» только как почетный член и всего за шесть месяцев до смерти? Q другой стороны, даже если бы он выбрал пример получше) это все еще ничего бы не доказывало, потому что есть множество масонов, мы даже должны сказать, большая часть, даже среди самых высоких степеней, для которых совершенно чуждо всякое реальное знание о масонстве (мы можем сюда включить и некоторых сановников Великого Востока Франции, которых г-н Вюльо совершенно напрасно приводит в качестве авторитетов, позволяя ввести себя в заблуждение их титулами). Наш автор поступил бы более правильно, сославшись на тот факт в поддержку своего тезису что в Германии и в Швеции существуют масонские организации, из которых евреи с тщательностью исключаются; надо думать, что он об этом не знал,

так как у него на это нет ни малейшего намека. Очень интересно привести здесь несколько строк из того замечания, которым он заканчивает эту главу: «Кое-кто мог бы нас упрекнуть в том, что мы размышляем так, как будто бы имелась только одна форма масонства. Мы не игнорируем тех проклятий, которые спиритуалистическое масонство посылает против Великого Востока Франции, но все хорошо взвесив, мы рассматриваем конфликт между двумя масонскими школами как семейную ссору». Мы отметим, что существуют не только «две масонские школы», но что их существует очень большое число, и что Великий Восток Франции, как, впрочем, и Италии, не признается другими организациями, потому что он полностью отвергает некоторые land marks (ориентиры) или фундаментальные принципы масонства, в результате, причина «ссоры» является достаточно серьезной (в то время как разногласия между другими «школами» далеко не столь глубоки). Что касается выражения «спиритуалистическое масонство», то оно абсолютно ничему не соответствует, ввиду того, что оно есть изобретение некоторых оккультистов, указаниям которым г-н Вюльо не столь расположен внимать. И далее мы видим упоминание таких примеров, как Ку-Клукс-Клан или Оранжисты (мы думаем, что речь идет о Royal Order of Orange), то есть о двух чисто протестантских ассоциациях, которые, несомненно, могут иметь масонов среди своих членов, но сами по себе они имеют не большее отношение к масонству, чем тайные общества Конго, о которых упоминалось выше. Конечно, г-н Вюльо имеет право не знать обо всем этом и еще о многом другом, и мы не думаем, что должны упрекать его в этом; но скажем еще раз, что бы ни заставляло его говорить об этом, и находятся ли эти вопросы вне его предмета изучения или же относятся к самой теме, разве не должен он стремиться быть абсолютно исчерпывающим? С другой стороны, если он на чем-то останавливается, то гораздо лучше было бы учитывать более точные сведения, чем разыскивать большое число редких и неизвестных книг, которые ему нравится цитировать с некоторой кичливостью.

Разумеется, все эти замечания не мешают признать истинные достоинства работы и похвалить автора за значительные усилия, которые он приложил; наоборот, если мы и настаивали на этих недостатках, то потому что мы надеемся, что они помогут автору внести исправления в этих конкретных местах. Теперь мы должны сказать, что г-н Вюльо очень надежно определил древность Каббалы, ее принципиально иудаистский и строго ортодоксальный характер, в противоположность современным авторам, которые его оспаривают (и среди них, что самое странное, много

евреев). Действительно, среди «рационалистических» критиков модно противопоставлять эзотерическую традицию экзотерическому раввинству, как будто они не являются двумя взаимодополняющими аспектами одного и того же учения. В то же время, он разрушил большое число легенд, широко распространяемых (теми же самыми «рационалистами») и лишенными всякого основания, как, например, легенда, которая связывает Каббалу и неоплатонические доктрины, или та, которая приписывает Зогар Моисею Леонскому и делает таким образом из него произведение, которое датируется только XIII веком, или та, которая из Спинозы делает каббалиста, и еще многие другие, более или менее значительные. Более того, он совершенно правильно установил, что Каббала не является «пантеистической», как это полагали некоторые (без сомнения по той причине, что они думали ее связать с теориями Спинозы, которые на самом деле являются «пантеистическими»); и он очень справедливо указывает, что «очень часто злоупотребляют этим термином», применяемым к самым различным концепциям и к месту и не к месту с одной только целью «постараться произвести сильное воздействие» (том I, с. 429), а также потому, как мы думаем, чтобы избежать всех дальнейших дискуссий. Это абсурдное обвинение против любых восточных учений является безосновательным и очень часто повторяемым; но оно всегда производит свое воздействие на некоторые робкие умы, хотя это слово «пантеизм» из-за неправильного его употребления перестало уже означать что бы то ни было; когда же, наконец, поймут, что наименования, которые были изобретены для современных философских систем, применимы исключительно только к ним одним? Г-н Вюльо показывает также, что так называемая «мистическая философия» евреев, отличная от Каббалы, есть нечто, никогда в реальности не существовавшее»; но напротив, он ошибается, используя слово «мистицизм» для того, чтобы квалифицировать упомянутую Каббалу. Несомненно, все зависит о того смысла, который придается этому слову, и тот, который он указывает (он делает из него почти синоним «гнозиса» или трансцендентного познания), был бы приемлемым, если бы придерживались только этимологии, так как верно, что «мистицизм» и «мистерия» имеют один и тот же корень (том I, с. 124 и 131–132); но, в конечном счете, надо учитывать устоявшееся употребление, которое изменило и сильно сузило его значение. С другой стороны, в обоих этих случаях, мы можем принять лишь утверждение о том, что «мистицизм есть философская система»; и если Каббала слишком часто принимает у Вюльо «философский» вид, то это есть следствие «внешней» точки зрения, которой он стремится придерживаться. Для нас

Каббала есть всегда более метафизика, нежели философия, и она более «посвященческая», чем мистическая; впрочем, у нас еще будет случай показать существенные различия, которые существуют между путем посвященных и путем мистиков (которым, скажем по ходу дела, соответственно отвечают «сухой путь» и «влажный путь» алхимиков). Как бы то ни было, различные результаты, о которых мы говорили, отныне могут рассматриваться как окончательно установленные, если непонимание некоторых так называемых ученых вновь все не поставит под сомнение, все перенося на историческую точку зрения, которой г-н Вюльо отводит слишком большое место (мы бы сказали, к несчастью, не пренебрегая при этом ее относительным значением) по отношению к точке зрения чисто доктринальной. По поводу этой последней мы отметим как самые интересные в первом томе главы, касающиеся Эн-Соф и Сефирот (глава LX), Шехины и Метатрона (глава XIII), хотя было бы желательно найти там большего раскрытия и уточнений, чем те, которые имеются в статье о каббалистических образах действия (глава V). Таким образом, мы думаем, что те, кто не имел никакого предварительного знания о Каббале, окажутся достаточно просвещенными при ее чтении.

По поводу того, что можно было бы назвать приложениями Каббалы, которыми, хотя они вторичны по отношению к самому учению, не стоит, конечно, пренебрегать, мы напомним о главах во втором томе, посвященных ритуалу (глава XIV), амулетам (глава XV) и мессианским идеям (глава XVI); они содержат вещи поистине новые и, по крайне мере, довольно мало известные; в особенности, в XVI главе можно найти много сведений о социальной и политической стороне, которые по большей части придают каббалистической традиции ее чисто иудаистский характер. И как оно предстает в целом, произведение г-на Вюльо нам представляется в особенности пригодным для избавления от большого числа ложных идей, разумеется, это уже кое-что и даже более того, но может быть этого недостаточно для столь важного произведения, которое претендует на то, чтобы быть чем-то большим, нежели простое введение. Если когда-нибудь автор предпримет новое издание, то было бы желательно, чтобы он как можно более тщательно отделял доктринальную часть, чтобы он значительно уменьшил первую часть и дал бы преимущественное выражение второй части, даже если бы речь зашла о том, что он рискует больше не считаться «простым любителем», ролью которого он напрасно хотел ограничиться.

Чтобы закончить это изучение книги г-на Вюльо, мы сформулируем еще несколько наблюдений по поводу вопроса, заслуживающего особого

внимания и имеющего определенное отношение к размышлениям, которые мы уже имели случай высказать, в особенности в нашей работе «Царь мира», мы хотим поговорить о вопросе, касающемся Шехины и Метатрона. В самом общем смысле Шехина есть реальное присутствие Божества; мы должны отметить в первую очередь то, что места в Писании, где о них специально упоминается, являются как раз теми, в которых стоит вопрос об учреждении духовного центра: построение Табернакля, возведение Храма Соломона и Зороваделя. Такой центр, учреждаемый при точно определенных условиях, действительно, должен быть местом божественного проявления, всегда представляемого как «Свет»; и хотя г-н Вюльо отрицает всякое отношение между Каббалой и масонством (признавая, тем не менее, что символ «Великого Архитектора» есть обычная для раввинов метафора), выражение «место весьма освещенное и весьма правильное», которое сохранило и масонство, кажется, представляет собою воспоминание о древней священной науке, которой руководствовались при строительстве храмов и которая, впрочем, была несвойственна как раз евреям. И не важно, что мы здесь касаемся теории «духовных влияний» (мы предпочитаем это выражение «благословениям» для перевода древнееврейского «беракот» (berakoth), тем более, что этот смысл хорошо сохранился в арабском «барака» (Barakah); но даже рассматривая вещи с одной только этой точки зрения, можно было бы объяснить слова Ели-аса Левита (Elias Levita), которые приводит г-н Вюльо: «Учителя Каббалы хранят по этому поводу великую тайну». Вопрос является тем более сложным теперь, что Шехина предстает в различных аспектах; она имеет два главных аспекта: один внутренний и другой внешний (том I, с. 495); но здесь г-н Вюльо мог бы объясниться несколько более четко, чего он не делает, тем более, что несмотря на свое намерение трактовать только «еврейскую Каббалу», он по поводу Шехины все же упоминает об «отношениях между еврейскими и христианскими теологами» (с. 493). Однако именно в христианской традиции есть фраза, в которой с максимальной ясностью обозначены оба аспекта, о которых он говорит: «Gloria in excelsis Deo, et in terra Pax hominibus bonae voluntatis» («Слава в вышних Богу, и на Земле мир, в человецех благоволение»). Эти слова Gloria (Слава) и Pax (Мир) относятся соответственно к внутреннему аспекту, к Принципу, и к внешнему аспекту, к проявленному миру; и если оба эти слова рассматривать таким образом, то сразу же можно понять, почему они произносятся ангелами (Malakim), чтобы сообщить о рождении «Бога с нами» или «в нас» (Emmanuel). Можно также напомнить, относительно первого аспекта, о теории теологов о «Свете славы», в

котором и через который осуществляется блаженное видение «в вышних»(in excelsis); а для второго аспекты мы еще добавим, что «Мир» в его эзотерическом смысле везде определяется как духовный атрибут учреждаемых в этом мире (terra) духовных центров. С другой стороны, арабское слово Шакина (Sakinah), которое совершенно очевидно тождественно древнееврейскому, переводится как «Великий Мир», которому в точности эквивалентен «Глубокий Мир» (Pax Profunda) розенкрейцеров, и так, несомненно, можно было бы объяснить то, что понимали под «Храмом Святого Духа». Также можно было бы интерпретировать весьма точным образом и некоторое число евангелических текстов, тем более что «тайная традиция, касающаяся Шехины, имеет некоторое отношение к свету Мессии» (с. 503). Не намеревался ли, таким образом, г-н Вюльо, давая это последнее указание, сказать, что речь идет о традиции, «предназначенной для тех, кто следует дорогой, ведущей в Пардес (Pardes)», то есть, как мы это объяснили в другом месте, в высший духовный Центр? Это приводит нас к еще одному наблюдению; несколько далее ставится вопрос о «мистерии, касающейся юбилея» (с. 506), в определенном смысле связывающегося с идеей «Мира», и по этому поводу он цитирует текст из Зогара (III, 583): «Поток, выходящий из Эдема, носит имя Jobeh, так же поток у Иеремии: «(Он будет как дерево, посаженное при водах) и пускающее корни свои у потока» (XVII, 8), откуда следует, что центральная идея Юбилея есть возвращение всех вещей к их начальному состоянию». Ясно, что здесь речь идет о возвращении к «изначальному состоянию», рассматриваемому всеми традициями и которым мы уже занимались в нашем исследовании о Данте; и когда добавляется, что «возвращение всех вещей в их первое состояние провозвестит мессианскую эру» (с. 507), то те, кто читал это исследование, может вспомнить, что мы сказали по поводу отношений между «Земным Раем» и «Небесным Иерусалимом». С другой стороны, то, о чем здесь идет речь, в различных фазах циклического проявления, всегда и повсюду, есть «Пардес», центр этого мира, который традиционный символизм всех народов сравнивает с сердцем, центром бытия и «божественного пребывания» (Брахма-пура, город Брахмы в индуистском учении), как и табернакль, который есть его образ и который, по этой причине, назван на древнееврейском mishkan или «обитаемый Богом» (с. 493), слово, которое имеет тот же корень, что и слово Шехина. С другой точки зрения, Шехина есть синтез Сефирот; однако, в древе Сефирот «правая колонна» есть сторона Сострадания, а «левая колонна» есть сторона Суровости; таким образом, мы должны найти оба эти аспекта и в

Шехине. Действительно, «если человек грешит и удаляется от Шехины, он подпадает под власть сил (Sdrim), зависящих от Суровости» (с. 507). И тогда Шехина называется «суровой рукой», что немедленно напоминает хорошо известный символ «руки правосудия». И напротив, если человек приближается к Шехине, то он освобождается; Шехина это «одесная» Бога, это значит, что «рука правосудия» становится тогда «благословляющей рукой». Таковы Мистерии Дома справедливости (Beit-Din), который является еще одним обозначением высшего духовного Центра; едва ли нужно напоминать, что две рассматриваемые нами стороны, суть те, по которым распределяются избранные и осужденные в христианских представлениях Страшного суда. Можно так же установить сходство с теми двумя путями, которые пифагорейцы изображают буквой Y и которые в экзотерической форме символизировались мифом о Геркулесе на распутье между Добродетелью и Пороком; с двумя вратами, небесными и инфернальными, у латинян ассоциировался символизм Януса; у индусов, как представляется, с двумя циклическими восходящей и нисходящей, связывается символизм Ганеши. Таким образом, легко, наконец, понять, что на самом деле означают такие выражения, как «добрые намерения» и «благая воля» (Pax hominibus bonce voluntatis, и для тех, кому известно множество символов, о которых мы упоминали, отметим, что не без причины Новый год совпадает с зимним солнцестоянием), если оставить в стороне все внешние интерпретации, философские и моральные, которые придавались им, начиная от стоиков и до Канта.

«Каббала придает Шехине Паредр (Paredre), которой носит тождественные с ней имена, и который, следовательно, обладает теми же свойствами» (с. 496–498) и которой, естественно, имеет столько же различных аспектов, что и упомянутая Шехина; его имя Метатрон, а это имя нумерически эквивалентно имени Шадай, «Всемогущий» (о котором говорят, что это имя Бога Авраама). Этимология слова Метатрон очень ненадежна; г-н Вюльо приводит в этой связи множество гипотез; одна из них производит это слово от халдейского Митры, который означает «дождь» (pluie) и который также имеет отношение, через свой корень, со словом «свет» (lumiere). Впрочем, если это даже так, сходство с индусским и зороастрийским Митрой не представляет собою достаточного основания, чтобы предполагать заимствование иудаизмом у чуждых учений, более не заимствуется та роль, которая приписывается дождю в различных восточных традициях, и в этом отношении мы напомним, что еврейская традиция говорит о «росе света», которая истекает от «Древа Жизни» и посредством которой осуществляется воскресение мертвых (с. 99), же как

«излияние росы», представляющее собою воздействие, которое передается по всем мирам (с. 465) и которое напоминает в особенности алхимический и розенкрейцерский символизм.

«Термин Метатрон содержит в себе все значения слов стражник, Господин, посланник, посредник» (с. 499); он «Ангел (Божественного) Лица», а также «Князь Мира» (Sar ha-olam); он «автор теофаний, божественных явлений в чувственно мире» (с. 492). Мы охотно сказали бы, что он есть «небесный Полюс» и как таковой он отражается в «земном Полюсе», с которым он находится в прямых отношениях согласно «оси мира», не на этом ли основании утверждают, что сам Метатрон был учителем Моисея? Процитируем еще и такие строки: «Его имя Михаэль (Mikael), Великий Жрец, который является причастием и искупительной жертвой перед Богом. И все то, что евреи делают на земле, исполняется в согласии с тем, что происходит в небесном мире. Великий Понтифик здесь внизу символизирует Михаэля, князя Милосердия… Во всех тех местах, где в Писании говорится о появлении Михаэля, речь идет о славе Шехины» (с. 500–501). То, что здесь говорится о евреях, может быть сказано обо всех народах, которые обладают подлинной ортодоксальной традицией; и с еще более веским основанием это надо сказать о представителях изначальной традиции, из которой все другие происходят и которой они все подчинены. С другой стороны, Метатрон имеет не только аспект Милосердия, но также и аспект Правосудия; в «небесном мире» он не только «Великий Жрец» (Kohen ha-gadol), но также и «Великий Князь» (Sar ha-gadol), что вынуждает сказать, что в нем находится как принцип царской власти, так и власти церковной и священнической, которой, собственно, соответствует функция «посредника». Также надо отметить, что Melek, «царь», и Meleak, «ангел» или «посланник» являются на деле всего лишь двумя формами одного и того же слова; более того, Malaki, «мой посланник» (то есть, посланник Бога или «ангел, в котором есть Бог», Maleak ha-Elohim) есть анаграмма Михаэля. Следует добавить, если Михаэль отождествляется с Метатроном, как мы это видели, то он, однако, представляет только один его рядом со светлой стороной есть также темная сторона, и здесь мы прикасаемся к другим мистериям. Действительно, может показаться странным, что Самуэль (Samuel) так же называется Sar ha-olam, и мы несколько удивлены, то г-н Вюльо ограничивает себя, рассматривая эти факты без малейших комментариев (с. 512). Именно об этом последнем аспекте и только о нем, низший смысл которого «князь мира сего», «Начало сего мира»(Priticeps hujus mundi), идет речь в Евангелии; это отношение к Метатрону, тенью которого он как бы является, оправдывает

использование одного и того же обозначения в двойном смысле, и в то же время позволяет понять, почему апокалиптическое число 666 является также солярным числом (оно образовано, в частности, от имени Sorath, демона Солнца и в этом качестве противоположного ангелу Михаэлю (Mikael)). Наконец, г-н Вюльо отмечает, что согласно св. Ипполиту, «Мессия и Антихрист оба имеют своей эмблемой льва» (том II, с. 373), который одновременно является солярным символом; но такое же наблюдение можно сделать и о змее и о многих других символах. С каббалистической точки зрения здесь речь идет опять о двух противоположных сторонах Метатрона; более общим образом здесь было бы уместно, по вопросу о двойном смысле символов, развернуть целую теорию, которая, как представляется, еще никогда не была ясно изложена. Мы больше не будем, по крайней мере в настоящее время, останавливаться на этой стороне вопроса, который является, может быть, одним из самых трудных для объяснения.

Сейчас мы вернемся к Шехине: она представлена в низшем мире через последнюю из десяти Сефирот, которую называют Малкут (Malkuth), то есть «Царство», обозначение, достойное замечания с нашей точки Зрения (так же как и обозначение Цедек, Tsedek, «Справедливость», что иногда является синонимом); Малкут — это «резервуар, куда стекаются воды, которые идут из потока наверху, то есть всех эманации (благодати или духовных влияний), распространяемых в изобилии (том I, с. 509). Этот «поток наверху» и истекающие из него воды напоминают нам странным образом небесный поток Ганга в индуистской традиции, и можно также заметить, что Шакти, аспектом которой является Ганга, не лишена некоторой аналогии с Шехиной, возможно, что только из-за своей «чудодейственной» функции, которая для них одинакова. Мы хорошо знаем, что привычная вера в исключительность иудаистских концепций не очень легко себя чувствует перед такими сопоставлениями, но они не становятся от этого менее реальными, а для нас, у кого нет обыкновения поддаваться влиянию известных предрассудков, их констатация представляет очень большой интерес, потому что в этом есть подтверждение сущностного доктринального единства, скрывающегося под видимым разнообразием внешних форм.

Резервуар этих небесных вод, естественно, тождественен духовному центру нашего мира, из него проистекают четыре потока Пардеса, направляясь по четырем странам света. Для древних евреев этот духовный центр есть святая гора Сион, которую они называют «сердцем мира» и которая, таким образом, оказывается для них эквивалентом Меру индусов

или Альборж (Alborj) персов. «Табернакль (дарохранительница) святости Иеговы, местопребывание Шехины, есть Святая Святых, которая есть сердце Храма, который сам есть центр Сиона (Иерусалим), как Святая гора Сион есть центр земли Израиля, как земля Израиля есть центр мира» (с. 509).

Таким же точно образом Данте представляет Иерусалим «духовным полюсом», как это мы уже имели случай объяснять, но когда покидают точку зрения собственно иудаизма, это становится в особенности символично и не образует более определенной локализации в строгом смысле этого слова. Все вторичные духовные центры, образующиеся в виду различного приспособления изначальной традиции к определенным условиям, являются образом высшего центра; Сион может быть реально лишь одним из этих вторичных центров, и несмотря на это может символически отождествляться с высшим центром в силу этой аналогии, и то, что мы уже говорили в другом месте по поводу «Святой Земли», которой является не только Земля Израиля, позволяет это понять гораздо легче. Другое очень примечательное выражение «Земля Живых» есть синоним «Святой Земли»; говорится, что «Земля Живых заключает в себе семь земель», и г-н Вюльо замечает по этому поводу, что «эта земля есть Ханаан, в котором имеется семь народов» (том II, с. 116).

Несомненно, это точно в буквальном смысле слова; но символически, не соответствуют ли эти семь земель семи двипа (dwipas), которые согласно индийской традиции имеют Меру в качестве общего центра? И если это так, раз древние миры и предшествующие нам творения представлены «семью царями Эдома» (число здесь соотносится с семью «днями» Творения), то нет ли здесь сходства, слишком сильно акцентированного, чтобы быть случайным, с семью эрами Ману, насчитывающимися с начала Кальпы и до современной эпохи? Мы приводим эти некоторые размышления только как пример тех следствий, которые можно извлечь из данных, содержащихся в работе г-на Вюльо; слишком жаль, что большая часть читателей не сможет, к несчастью, заметить и извлечь эти следствия своими собственными средствами. Но выводя критическую часть нашей экспозиции из доктринальной частью, мы сделали отчасти то, что бы хотели найти у самого г-на Вюльо, в тех пределах, которыми мы поневоле должны были ограничиться.

LE SIPHRA DI-TZENIUTHA

Г-н Поль Вюльо недавно выпустил в качестве начала серии «фундаментальных текстов Каббалы» перевод Siphra di-Tzeniutha, с длинным предисловием, гораздо более длинным, чем сам перевод, и даже чем оба перевода, так как на самом деле в томе две следующие друг за другом версии текста, один буквальный, а другой — парафраза. Представляется, что этот перевод предназначен прежде всего показать, что такая работа совсем небесполезна даже после «Зогара» Жана де Поли (Jean de Pauly); так, его большая часть посвящена детализированной истории упомянутого французского перевода Зогара, истории, содержащей, кажется, почти все, что можно было узнать о жизни самого переводчика, личности поистине очень загадочной, происхождение которой еще не достаточно прояснено. Вся эта история очень любопытна, и, чтобы объяснить все пробелы и несовершенства этого перевода, совсем небезразлично знать, в каких условиях он был реализован, какие странные трудности возникли перед издателем с этим несчастным Жаном де Поли, едва ли не одержимым манией преследования. Тем не менее, мы готовы признать, что эти детали занимают здесь слишком много места; читая их, почти начинаешь сожалеть, что г-н Вюльо не посвятил себя рассказу, так сказать, исторических анекдотов, это внесло бы некое воодушевление, но зато каббалистические исследования в значительной степени были бы упущены.

В настоящем виде введение к этим исследованиям содержит общие размышления, в ходе которых г-н Вюльо нападает, как он это умеет делать, на «Докторов», то есть на «официальных ученых», о которых он уже говорил суровую правду в «Еврейской Каббале», а также и на одного отца-иезуита, Бонсирвана (Bonsirven), которого некоторые стараются, кажется, представить как несравненного авторитета в области иудаизма. Эта дискуссия послужила причиной некоторого числа очень интересных замечаний, а именно, о приемах каббалистов и о том способе, оцениваемом критиками как «удивительный», каким они цитируют библейские тексты; и г-н Вюльо добавляет по этому поводу: «Современная экзегеза оказывается неспособной анализировать приемлемым образом именно «цитаты» из Евангелия, потому что она решила игнорировать приемы еврейской герменевтики; надо перенестись в Палестину, потому что евангельские произведения создавались в этой местности». Это, кажется, согласуется с

работами другого отца-иезуита, Марселя Жусса (Marcel Jousse); и жаль, что он не упоминается, так как было бы занимательно поставить его перед лицом его собрата… С другой стороны, г-н Вюльо очень справедливо сообщает, что католики, которые подвергают насмешкам магические (или считающиеся таковыми) формулы, содержащиеся в каббалистических трудах, и которые торопятся квалифицировать их как «суеверия», должны остерегаться этого относительно своих собственных ритуалов, наполненных тем же самым. Это также относится к обвинению в «эротизме» или «непристойности», выносимому против определенного рода символизма: «Критики, принадлежащие к католицизму, прежде чем присоединить свой голос к голосу евреев и протестантов-рационалистов, должны подумать о том, что католическая теология может легко стать мишенью для нападок, как и Каббала, в отношении того, что нас занимает». Хорошо, что сказано это человеком, который сам исповедует католицизм; и некоторые фанатичные антииудаисты и антимасоны должны в особенности много извлечь из этого замечательного урока.

Можно многое еще отметить в этом предисловии, а именно, христианскую интерпретацию Зогара: г-н Вюльо делает справедливые оговорки относительно некоторых, отчасти насильственных сопоставлений, которые делает Драш (Drach) и принимает Жан де Поли. Так, он возвращается к вопросу о древности Зогара, которую противники Каббалы стремятся опротестовать, исходя из совершенно неприемлемых соображений. Но есть и другое, что мы с удовольствием подчеркиваем: г-н Вюльо заявляет, что для того, «чтобы перевести соответствующим образом некоторые существенные пассажи, необходимо было быть посвященным в мистерии еврейского эзотеризма», и что «Поли приступил к переводу Зогара, не обладая этим посвящением»; несколько далее он отмечает, что Евангелие святого Иоанна, так же как и Апокалипсис, «адресованы к посвященным»; мы могли бы привести и другие подобные фразы. Таким образом, г-н Вюльо несколько изменил свою установку, что мы можем лишь приветствовать, так как до сих пор казалось, что он испытывает странное смущение при произнесении слова «посвящение» или по меньшей мере, если он это делал, то едва ли не для того, чтобы посмеяться над некоторыми «посвященными», которых он должен был бы квалифицировать как «псевдопосвященные», чтобы избежать всякого ложного смешения. То, что он пишет сейчас, есть совершенная правда: речь идет именно о «посвящении» в собственном смысле слова в том, что касается Каббалы, так же как и всякого другого истинного эзотеризма, достойного этого имени; и мы должны добавить, что речь идет о гораздо

большем, чем дешифровка некоторого рода криптографии, которую, как представляется, г-н Вюльо как раз и имеет в виду, когда он говорит так, как мы только что видели. Несомненно, это тоже существует, но это всего лишь вопрос внешней формы, которым, впрочем, тоже нельзя пренебрегать, поскольку через это надо пройти, чтобы придти к пониманию учения; но не следует смешивать средства и цель или ставить их на один уровень.

Как бы то ни было, очевидно, что каббалисты чаще всего могут говорить на самом деле о совершенно другом, нежели о том, о чем кажется, что они говорят; и такой образ действия присущ не только им одним, как раз напротив, так как его можно встретить так же в средние века на Западе; мы имели случай это видеть по поводу Данте и «Верных Любви» и мы тогда указали принципиальные основания, которые вовсе не следуют из простой осторожности, как это могут предполагать «профаны». То же самое существует и в исламском эзотеризме и развито там до такой степени, какую никто в западном мире, как мы думаем, не может и заподозрить; арабский язык, так же как и древнееврейский язык, подходит для этого самым замечательным образом. Здесь присутствует не только тот самый обычный символизм, общность которого для суфиев и для «Верных Любви» показал г-н Луиджи Валли в упоминавшейся нами работе; мыслимо ли для западных умов, что простой трактат о грамматике или о географии, или даже о торговле, обладает в то же время другим смыслом, который делает из него инициатическое произведение огромного значения? Тем не менее, это так, и данные здесь примеры не являются случайными; эти три случая взяты из книг, которые существуют реально, и в настоящий момент мы их держим в руках.

Это вынуждает нас высказать небольшое критическое замечание, касающееся перевода, который г-н Вюльо дает самому названию Siphra di-Tzeniutha; он пишет «Тайная Книга» или «Книга Тайны», и доводы, которые он приводит, кажутся нам мало убедительными. Конечно, ребячество воображать, как это делают некоторые, что «это название напоминает о бегстве Симеона бен Йохая, в течение которого этот рабби в тайне составлял этот небольшой манускрипт»; но вовсе не это означает «Книга Тайны», что имеет гораздо более высокое и глубокое значение, чем «Тайная Книга». Мы хотим здесь напомнить о той важной роли, которую в некоторых инициатических традициях (в том числе и тех, которыми мы в настоящий момент занимаемся) играет понятие «тайны» (на древнееврейском sod, на арабском sirr), которая не имеет ничего общего ни со скромностью, ни со скрытностью, но которая является таковой по самой

природе вещей; должны ли мы здесь напоминать в этой связи, что сама христианская Церковь в первые века имела «тайный порядок» и что слово «тайна» в своем первоначальном смысле означает именно невыразимое?

Что касается самого перевода, то мы говорили, что имеется две версии, но они не образуют двойного употребления, так как буквальный перевод, сколь ни был бы он полезен для тех, кто хочет соотнести его с текстом и следовать близко к нему, часто является невразумительным. Впрочем, так бывает всегда, когда речь идет о священных Книгах или других традиционных письменах, как мы это уже отмечали много раз, и если бы перевод должен с необходимостью осуществляться «слово в слово», школьным и университетским способом, то их следовало бы объявить поистине непереводимыми. На самом же деле, для нас, располагающихся на совершенно иной точке зрения, нежели точка зрения лингвистов, именно истолкованный и комментированный перевод представляет смысл текста и позволяет его понять там, где буквальный перевод производит впечатление «логогрифа» (спутанной речи), как говорит г-н Вюльо или бессвязного бреда. Мы только сожалеем, что комментарий не является более обширным и более эксплицитным; замечания, хотя и многочисленные и очень интересные, не всегда являются достаточно «проясняющими», если можно так сказать, и следует опасаться, что они не могут быть поняты теми, кто не имел бы уже о Каббале более чем элементарное знание; но без сомнения следует ожидать продолжения «фундаментальных текстов», которые, будем надеяться, удачно дополнят этот первый том. Г-н Вюльо теперь должен нам и самому себе представить подобный труд, относящийся к Iddra Rabba и к Iddra Zuta, которые вместе с Siphra di-Tzeniutha, как он говорит, далеко не «приложения или дополнения» к Зогару, а «напротив, составляют его центральные части», содержащие в определенном смысле в наиболее концентрированной форме все существенное из учения.

РЕЦЕНЗИИ

Марсель Бюлар: СКОРПИОН, СИМВОЛ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА В РЕЛИГИОЗНОМ ИСКУССТВЕ XIV, XV И XVI ВЕКОВ[43]

Автор, отправляясь от изучения живописи в часовне Сан-Себастьян в Ланс ле Вийяр в Савойе, собрал все подобные документы, которые ему удалось найти, и создал из этого очень подробное исследование, сопровождаемое многочисленными репродукциями. Речь идет об изображениях скорпиона либо на штандарте, который несет олицетворенная Синагога, либо, еще чаще, в представлениях некоторых сцен из Страстей; в этом последнем случае штандарт со скорпионом в основном ассоциируется со штандартами, несущими другие эмблемы и в особенности буквы S P Q R, явно для того, чтобы обозначить одновременно причастность и к евреям и к римлянам; можно было бы также отметить следующее (что довольно любопытно и это, кажется, ускользнуло от автора): эти же самые буквы, расположенные в другом порядке (S C R P), фонетически напоминают само название скорпиона. Что касается интерпретации этого символа, автор, опираясь на «Бестиарий», а также на драматическую поэзию конца Средневековья, показывает, что он означает прежде всего лицемерие и коварство; однако он отмечает, и это совершенно справедливо, что в эпоху, о которой идет речь, символизм из «догматического», которым он был ранее, стал главным образом «моральным», что вынуждает сказать, что он становится очень близок к тому, чтобы деградировать в простую «аллегорию», прямое и неизбежное следствие ослабления традиционного духа. Как бы то ни было, мы все же думаем, что, по крайней мере, по происхождению, здесь следовало бы увидеть еще кое-что, возможно, намек на зодиакальный знак Скорпиона, с которым связана идея смерти; мы, впрочем, можем отметить, что без такого намека то самое место из Евангелия, где скорпион поставлен в оппозицию с яйцом (св. Лука, XI, 11–12), остается совершенно непонятным. Другим интересным и загадочным моментом является присвоение общих символов, а именно, скорпиона и василиска, Синагоге и Диалектике; рассматриваемые здесь объяснения, такие как репутация диалектической ловкости, которую имеют евреи, нам на самом деле представляются недостаточными для того, чтобы прояснить это объединение; и мы не можем не вспомнить о традиции, согласно которой

произведения Аристотеля, рассматриваемого как учитель Диалектики, заключают в себе скрытый смысл, проникнуть в который и применить его можно было бы только через Антихриста, который, с другой стороны, как говорят, должен иметь еврейское происхождение; не кажется ли, что можно было бы что-нибудь поискать в этом направлении?

Сир Шарль Марстон: БИБЛИЯ СКАЗАЛА ПРАВДУ[44]

Эта книга прежде всего содержит, если можно так выразиться, блестящую критику «критики» Библии, окончательно выделив все то, что есть в ее методах частного и в ее заключениях ошибочного. Впрочем, кажется, что позиция этой «критики», которая так уверена в самой себе, сегодня серьезно скомпрометирована в глазах многих, так как все недавние археологические открытия только и делают, что доставляют ее опровержения; может быть, подобные открытия первый раз служат наконец чему-то, значение чего превосходит простую эрудицию… Само собою разумеется, что тот, кто знает на самом деле, что такое традиция, совершенно не нуждается в подобного рода доказательствах; но следует признать, что основываясь, так сказать, на «материальных» и осязаемых фактах, такие доказательства особенно способны трогать современный ум, который чувствителен только к вещам подобного рода… Мы специально отметим, что достигнутые результаты идут прямо наперекор всем «эволюционистским теориям» и обнаруживают «монотеизм» в самих истоках, а вовсе не как завершение долгой работы, начиная с так называемого примитивного «анимизма». Другим интересным моментом является доказательство существования алфавитного письма во времена Моисея и даже в предшествующие эпохи; тексты, почти ему современные, описывают ритуалы, сходные с ритуалами Пятикнижия, которые «критики» считали более «поздним» установлением; наконец, многочисленные исторические факты, упоминаемые в Библии, подлинность которых оспаривалась, оказываются отныне полностью подтвержденными. Разумеется, наряду с этим остается много более или менее сомнительного; и нам остается только пожалеть, что не желают слишком далеко отступать от узкого и исключительного «буквализма», который совершенно ничего не может сказать традиционного в истинном смысле этого слова. Спорно, что можно говорить о «библейской хронологии», когда восходят за эпоху Моисея; эпоха Авраама может оказаться отодвинутой гораздо дальше, чем это могут предположить; что же касается Потопа, то дата, которую хотят ему приписать, обязывала бы свести его значение к локальной и вторичной катастрофе, сравнимой с потопами Девкалиона и Огига. Таким образом, когда речь идет о

происхождении человечества, не следует доверять навязчивой мысли о Кавказе или о Месопотамии, которая (эта мысль) тоже не имеет ничего традиционного, и которая родилась исключительно из интерпретаций, сформулированных тогда, когда некоторые вещи уже не были понятны в их истинном смысле. Мы не можем здесь останавливаться на некоторых более частных моментах; тем не менее отметим вот что: каким образом, совершенно признавая, что «Мельхиседек считался очень таинственным персонажем» во всей традиции, можно при этом стремиться сделать из него совершенно обычного царя некоего маленького городка, который, к тому же, назывался не Салим, а Иевус? И еще, если хотят разместить страну Мадиан по ту сторону Акабского залива, то что тогда делать с традицией, согласно которой расположение Неопалимой Купины находится в крипте (подземная часовня) монастыря Святой Екатерины у самого подножья Синая? Но, разумеется, все это вовсе не уменьшает ценность на самом деле значительных открытий, которые, несомненно, еще будут умножаться, тем более, что их начало отстоит от нас в общем лишь на десяток лет; мы можем лишь посоветовать чтение этой ясной и добросовестной работы всем тем, кто хочет найти аргументы против деструктивной и антитрадиционной «критики». Чтобы завершить, мы обязаны лишь сформулировать одно «предостережение» с другой точки зрения: автор, кажется, рассчитывает на современный «метапсихизм», чтобы объяснить или по крайней мере допустить чудеса, дар пророчества и в целом отношения с тем, что достаточно неудачно называют «Невидимым» (слово, которое оккультисты всех видов слишком часто употребляли и которым злоупотребляли); это, впрочем, не единственный случай, и мы только что отмечали и другие примеры подобной тенденции; это досадная иллюзия, и опасность с этой стороны тем большая, что она менее осознается; не следует забывать, что «дьявольские уловки» принимают различные формы согласно обстоятельствам и демонстрируют возможности почти неисчерпаемые!

ГЕРМЕТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Под этим названием: «La Tradizione Ermetica nei suoi Simboli, nella sua Dottrina e nella sua 'Ars Regia'»,[45] Ю. Эвола только что опубликовал интересную во многих отношениях работу, которая, раз в этом была надобность, еще раз демонстрирует своевременность недавно написанного нами об отношениях священнического и царского посвящения.[46] Мы действительно найдем там утверждение о независимости второго типа посвящения, с которым автор как раз хочет связать герметизм, а также идею двух различных традиционных типов, рассматриваемых даже как несводимые, один созерцательный, а другой активный, которые наиболее общим образом характеризовали бы Восток и Запад. Мы должны также сделать некоторые замечания относительно интерпретации, данной герметическому символизму оказавшейся под влиянием такой концепции, хотя с другой стороны, она хорошо показывает, что истинная алхимия представляет собой духовный, а не материальный порядок, что есть совершенная правда, но правда часто не признаваемая или игнорируемая нашими современниками, которые считают себя способными обсуждать эти вопросы.

Мы воспользуемся этим случаем, чтобы еще раз уточнить некоторые важные понятия, и прежде всего значение, которое следует придавать самому слову «герметизм», которое многие наши современники используют несколько произвольно. Это слово означает, что речь идет, по существу, о традиции египетского происхождения, облеченной затем эллинизированной формой, несомненно, в александрийскую эпоху и дошедшей в этой форме до средних веков, одновременно в исламском и христианском мире, и добавим, во втором по большей части через посредство первого, как это доказывают многочисленные арабские или арабизированные термины, принятые европейскими герметистами, начиная с самого слова «алхимия» (el-Kimia).[47] Таким образом, было бы совершенно незаконно распространять это обозначение на другие традиционные формы, настолько же, насколько было бы незаконно, если называть «Каббалой» что-либо другое, нежели древнееврейский эзотеризм; это, разумеется, не означает, что там не существует ее эквивалента, и ее эквиваленты существуют, раз традиционная наука, каковой является алхимия, имеет свое точное соответствие в таких учениях, как учения Индии, Тибета и Китая, хотя в способах выражения и в методах

реализации, разумеется, есть различия; Но как только произносят слово «герметизм», то сразу специфицируют четко определенную форму, происхождение которой может быть только греко-египетским. Действительно, обозначаемое так учение тем самым соотнесено с Гермесом, и в качестве такового он рассматривался греками как тождественный египетскому Тоту; мы должны сразу же отметить, что это расходится с тезисом г-на Эволы, поскольку он представляет эту доктрину как, по существу, производную от священнического учения, так как Тот (в его роли охранителя и передатчика традиции) есть не что иное как само представительство древнего египетского священства, или говоря более точно, принципа вдохновения, от которого оно получало свой авторитет и от имени которого формулировало и передавало познания посвящения.

Теперь возникает вопрос: составляет ли полное традиционное учение то, что понимается под этим именем «герметизм»? Ответ может быть только отрицательным, так как речь идет, строго говоря, только о знании не метафизического порядка, а только космологического (понимая его, впрочем, в его двойном применении, «макрокосмическом» и «микрокосмическом»). Таким образом, нельзя принять, чтобы герметизм в том смысле, какой это слово приняло, начиная с александрийской эпохи, и постоянно сохраняло с тех пор, представляло бы полноту египетской традиции; хотя в ней космологическая точка зрения была, как представляется, особенно развита и в любом случае она была самой явной во всех следах, которые от нее сохранились, идет ли речь о текстах или о монументах, все же не следует забывать, что она не могла быть никогда ничем другим, как только вторичной и несущественной точкой зрения, приложением учения к познанию того, что мы можем назвать «промежуточным миром». Было бы интересно, но, несомненно, достаточно трудно исследовать, каким образом эта часть египетской традиции могла оказаться в некотором роде изолированной и сохраняться, по-видимому, независимым образом, затем внедриться в исламский эзотеризм и средневековый христианский эзотеризм (что не могло бы сделать полное учение, до такой степени, чтобы стать поистине интегральной частью и того и другого, и снабдить их всем символизмом, который при соответствующем переносе мог даже иногда служить там средством перехода к истинам более высокого порядка. Здесь не место входить в эти весьма сложные исторические исследования; но как бы то ни было, мы должны сказать, что собственно космологический характер герметизма, если он и не подтверждает концепции г-на Эволы, то в некоторой мере ее все же разъясняет, так как такого рода науки во всех традиционных

цивилизациях были прежде всего достоянием кшатриев или их эквивалентов, тогда как чистая метафизика была достоянием брахманов. Вот почему (как следствие восстания кшатриев против духовного авторитета брахманов) можно иногда увидеть образование неполных традиционных течений, сведенных к одним только этим наукам, отделенным от принципа и отклоняющимся даже в «натуралистическом» направлении через отрицание метафизики и непризнание подчиненного характера «физической» науки, и не только всякого инициатического учения (две вещи тесно связаны), но даже специально предназначенного для кшатриев, как мы это объясняли по различным поводам.[48] Это, конечно, не означает, что герметизм в самом себе образует такое отклонение или что он заключает в себе что-то незаконное (что делало бы невозможным его включение в традиционные ортодоксальные формы); но все же следует признать, что по самой своей природе он легко может этому поддаваться, и в этом состоит, в целом, опасность для всех традиционных наук, когда они культивируются в некотором роде ради них самих, что провоцирует потерю из виду их связи с порядком изначальных принципов. Алхимия, которую можно было бы определить как «технику», так сказать, герметизма, действительно является «царским искусством», если под этим понимают тип посвящения, более специально приспособленный к природе кшатриев; но именно это отмечает их точное место во всем ансамбле правильно установленной традиции, и кроме всего прочего, не следует смешивать средства инициатической реализации, какими бы они ни являлись, с конечной целью, которая всегда есть чистое познание.

Другим сомнительным моментом в работе г-на Эволы нам представляется уподобление, которое он старается почти постоянно устанавливать, между герметизмом и «магией»; правда, он, кажется, понимает ее в смысле, довольно сильно отличающемся от смысла, придаваемого обычно этому слову, но мы очень опасаемся, что это также может спровоцировать весьма досадные ошибки. Действительно, как только говорят о магии, неизбежно думают о науке, предназначенной производить более или менее экстраординарные феномены, именно (но не исключительно) в чувственном порядке вещей; каково бы ни было происхождение этого слова, это значение настолько тесно стало с ним связано, что его следует за ним сохранить. В таком случает это самое низшее из всех приложений традиционного знания, мы можем даже сказать, самое презираемое, упражнение в котором оставляют тем, кто из-за своих индивидуальных ограничений остаются неспособными развивать другие возможности; мы не видим никакого преимущества вспоминать об

этой идее, когда в реальности речь идет о вещах, пусть даже отчасти случайных, но все же более благородных, и даже если это всего лишь вопрос терминологии, то надо заметить, что и он имеет определенное значение. В конце концов, здесь может быть есть еще кое-что: на некоторых это слово «магия» производит в наше время действие странного очарования, и как мы уже отмечали в предыдущей статье, о которой мы упоминали вначале, преимущество, отдаваемое такой точке зрения, пусть даже только в интенции, все равно связано с искажением традиционных наук, отделенных от их метафизического принципа, и в этом состоит препятствие, на которое наталкивается всякая попытка реконструкции таких наук, если не начинают с того, что является истинным началом во всех отношениях, то есть с самого принципа, который представляет собою цель, по отношению к которой все остальное должно быть поистине подчиненным.

Напротив, мы целиком согласны с г-ном Эволой и даже видим самую большую заслугу его книги в том, что он настаивает на чисто духовной и «внутренней» природе истинной алхимии, которая абсолютно не имеет ничего общего с материальными операциями какой-нибудь «химии» в естественном смысле этого слова; почти все наши современники заблуждаются относительно этого, как те, кто хочет посвятить себя защите алхимии, так и хулители. Тем не менее легко видеть, в каких терминах древние герметисты говорили о «стеклодувах» и «сжигателях угля», в которых надо признать настоящих предшественников современных химиков, хотя это может для них звучать нелестно; и еще в XVIII веке такой алхимик как Пернети (Pernety) не перестает подчеркивать различие «герметической философии» и «вульгарной химии». Таким образом, вовсе не алхимия дала рождение современной химии, к которой она не имеет никакого отношения (не более, впрочем, чем и воображаемая «гиперхимия» некоторых современных оккультистов); в этом есть только деформация или отклонение, происходящие от непонимания тех, кто, будучи неспособным проникнуть в истинный смысл символов, все понимают буквально и, полагая, что речь идет во всем этом лишь о материальных операциях, бросаются в более или менее беспорядочное экспериментирование. В арабском мире также материальная алхимия всегда была мало почитаемой, и даже иногда сравнивалась с некоторого рода колдовством, тогда как здесь очень уважали духовную алхимию, единственно истинную, часто обозначаемую именем Кимийа-и са'адат или (Kimia es-saadah) «алхимия блаженства».

Однако это не означает, что следует по этой причине отрицать

возможность превращения металлов, чем является алхимия в глазах обывателей; не надо смешивать вещи совершенно разных порядков; но «априори» непонятно, почему такие превращения не могут быть реализованы процедурами, относящимися только к профанной химии (и, по сути, «гиперхимия», о которой мы только что упоминали, есть как раз такая химия). Есть, тем не менее и другой аспект вопроса, который г-н Эвола обозначил очень правильно: существо, которое достигло реализации определенных внутренних состояний, может в силу отношения по аналогии «микрокосма» с «макрокосмом» и вовне производить соответствующие эффекты; следовательно, можно допустить, что тот, кто достиг определенной ступени в практике духовной алхимии, будет тем самым способен выполнить и превращение металлов, но это будет совершенно побочным следствием и без обращения к каким-либо процедурам материальной псевдоалхимии, а лишь чем-то вроде проекции вовне энергий, которые он носит в себе самом. Здесь есть отличие, сравнимое с тем, которое разделяет «теургию» или воздействие «духовных влияний» от магии или даже колдовства: если видимые эффекты иногда в том и ином случае те же самые, то причины, которые их производят, совершенно различны. Впрочем, добавим, что те, кто реально обладает такими силами, вообще никак их не используют, по крайней мере вне и помимо определенных, очень специфических обстоятельств, где упражнение в них оказывается ограниченным другими соображениями. Как бы то ни было, никогда нельзя терять из виду, и это действительно лежит в основе любого истинно инициатического образования, что всякая реализация, достойная этого имени, принципиально относится к внутреннему порядку, даже если она способна иметь последствия вовне; человек может найти ее принципы и средства только в самом себе, и он это может постольку, поскольку он в самом себе несет соответствие всему, что существует: el-insanu ramzulwujud, «человек есть символ универсального Существования»; и если ему удается проникнуть до центра своего собственного существа, он тем самым достигает тотального познания со всем тем, что приложимо сверх того: man yaraf nafsahu yaraf Rabbahu, «тот, кто познает свое «Я», познает Господа» и он тогда познает все вещи в высшем единстве самого Принципа, вне которого нет ничего, что могло бы обладать малейшей степенью реальности.

ГЕРМЕС

Говоря ранее о герметической традиции, мы сказали, что она относится собственно к познанию не метафизического порядка, а только космологического, понимаемого, впрочем, в его двойном смысле, «макрокосмическом» и «микрокосмическом». Это утверждение, хотя оно выражает чистую правду, не имело счастья понравиться тем, кто, воспринимая герметизм сквозь свои собственные фантазии, хотели бы туда включить все без разбора; на деле, они вовсе не представляют себе, чем может быть чистая метафизика… Как бы то ни было, все же следует понимать, что мы никоим образом не хотели обесценить тем самым традиционные науки, которые из герметизма происходят, ни науки, которые им соответствуют в других доктринальных формах Востока и Запада; но надо уметь ставить каждую вещь на свое место, и эти науки, как любое специализированное познание, тем не менее суть только нечто вторичное и производное по отношению к принципам, приложениями которых к более низкому порядку реальности они являются. Только те могут претендовать на его познание, кто хотел бы приписать превосходство «Царского Искусства» над «Священническим Искусством»;[49] и может быть как раз в этом, по существу, состоит более или менее осознаваемая причина этих возражений, о которых мы только что упоминали.

Иначе говоря, не занимаясь тем, что каждый может думать и говорить, так как не в нашем обыкновении учитывать эти индивидуальные мнения, которые перед лицом традиции не существуют, нам не кажется бесполезным дать несколько новых разъяснений, подтверждающих то, что мы уже сказали, и это отсылает нас опять к тому, что более специально касается Гермеса, поскольку никто не станет оспаривать, что именно от него герметизм производит свое название.[50] Греческий Гермес, действительно, обладает чертами, очень точно отвечающими тому, о чем идет речь, и выраженными как раз его главным атрибутом, кадуцеем, символизм которого мы имели случай более полно анализировать по другому поводу; теперь нам достаточно будет сказать, что этот символизм по существу и непосредственно соотносится с тем, что можно назвать «человеческой алхимией»,[51] и касается он возможностей тонкого плана, даже когда они должны рассматриваться только как подготовительное средство для высшей реализации, как это и происходит в индуистской

традиции с эквивалентными практиками, относящимися к хатха-йоге. Впрочем, это можно перенести и на космический порядок, потому что все то, что есть в человеке, имеет свое соответствие в мире, и наоборот;[52] здесь также (и по причине самого этого соответствия) речь идет собственно о «промежуточном мире», где приведены в действие силы, двойственная природа которых четко изображена двумя змеями кадуцея. Напомним в этой связи, что Гермес представляется как посланник Богов и как их толкователь (hermeneutes), это как раз роль посредника между небесным и земным мирами, и что кроме того у него есть функция «психопомпа» (проводника душ), который в низшем порядке также явно относится к области возможностей тонкого плана.[53]

Когда речь идет о герметизме, можно было бы возразить, что Гермес здесь занимает место египетского Тота, с которым он отождествляется, и что Тот, собственно, представляет Мудрость, относящуюся к священству в качестве охраняющего и передающего традицию; это правда, но поскольку это отождествление не могло быть сделано без причины, то следует предположить, что при этом должно рассматривать определенный аспект Тота, соответствующий определенной части традиции, той, которая заключает в себе познания, относящиеся к «промежуточному миру»; и действительно, все, что можно узнать о древнеегипетской цивилизации согласно оставленным ею следам, как раз показывает, что познания этого порядка были там гораздо более развиты и имели значение гораздо более важное, чем в любом другом месте. В конце концов, имеется и другое сходство, мы можем сказать даже, другой эквивалент, который показывает, что такое возражение не имеет реального значения: в Индии планета Меркурий (или Гермес) называется Будха, именем, корень которого означает собственно Мудрость; и здесь также достаточно определить тот порядок, в котором эта Мудрость, по своей сущности являющаяся принципом-вдохновителем всякого познания, должна находить свое более конкретное приложение, когда она относится к этой специализированной функции.[54]

Относительно этого имени Будха следует отметить любопытный факт: а именно то, что на самом деле оно тождественно имено скандинавского Одина, Водена или Вотана;[55] вовсе не случайно, таким образом, что римляне присвоили это имя своему Меркурию, к тому же в германских языках среда (le mercredi) или день Меркурия и в настоящее время еще обозначается как день Одина. Еще более замечательно то, что то же самое имя обнаруживается в Вотане древних традиций Центральной Америки,

который имеет атрибуты Гермеса, так как он есть Кетцалькоатль, «птица-змея», а единство этих двух символических животных (сопоставляющихся, соответственно, с двумя элементами, воздухом и огнем) изображено крыльями и змеями кадуцея.[56] Надо быть слепым, чтобы не видеть в фактах такого рода знак глубокого единства всех традиционных учений; к несчастью, такое ослепление слишком свойственно нашему времени, когда те, кто поистине умеет читать символы, представляют собою незначительное меньшинство и когда, напротив, встречается слишком много «профанов», которые считают себя достаточно квалифицированными для того, чтобы интерпретировать «священную науку», которую они приспосабливают к произволу своего воображения, более или менее беспорядочного.

Другой момент, не менее интересный, таков: в исламской традиции Сейидна Идрис (праведный Идрис, Seyidna Idris) отождествляется одновременно и с Гермесом и с Енохом; это двойное уподобление, как представляется, указывает на непрерывность традиции, которая восходит за границы египетского священства, унаследовавшего только то, что представлял собою Енох, явно относящийся к предшествующей эпохе.[57] В то же время, науки, приписываемые Сейидна Идрису и находящиеся под его специальным покровительством, не есть собственно духовные науки, которые относятся именно к Сейидна Аише (Seyidna Aissa), то есть к Христу; это науки, которые можно квалифицировать как «промежуточные», среди которых в первых рядах фигурируют алхимия и астрология; и именно здесь находятся науки, который могут называться собственно «герметическими». Но здесь следует принять во внимание другой момент, который на первый взгляд, по крайней мере, может рассматриваться как довольно странная инверсия по отношению к привычным соответствиям: среди главных пророков есть один, как это мы увидим в следующей статье, председательствующий в каждом из семи планетарных небес, для которых он является «Полюсом» (Эль-Кутб); однако, это не Сейидна Идрис, который представляет небо Меркурия, а Сейидна Аиша, а Сейидна Аиша представляет именно небо Солнца; и естественно, это приводит к такому же изменению позиций в астрологических соответствиях приписываемых им наук. Это поднимает более сложный вопрос, который мы не имеем намерения здесь разбирать во всей полноте; возможно, что у нас будет случай к нему еще вернуться, а в настоящий момент мы ограничимся несколькими замечаниями, которые может быть позволят предугадать решение и которые покажут, по меньшей

мере, что здесь есть нечто большее, чем простое смешение и что то, что рискует быть принято за таковое в глазах поверхностного и «внешнего» наблюдателя, на самом деле покоится на очень глубоких основаниях.

Прежде всего, речь идет здесь не об изолированном случае в ансамбле традиционных учений, так как можно найти нечто совершенно подобное в древнееврейской ангелологии: в основном, Михаэль есть ангел Солнца, а Рафаэль ангел Меркурия, но иногда бывает, что эти роли меняются на противоположные. С другой стороны, Михаэль, поскольку он представляет солярного Метатрона, эзотерически уподобляется Христу,[58] Рафаэль является, согласно значению его имени, «божественным целителем» и Христос также появляется как «духовный целитель» и как «восставляющий»; впрочем, можно найти также еще и другие отношения между Христом и принципом, представляемым Меркурием среди планетных сфер.[59] Правда, у греков медицина приписывалась Аполлону, то есть солярному принципу, и его сыну Асклепию (из которого латиняне сделали Эскулапа); но в «герметических книгах» Асклепий становится сыном Гермеса, и надо также заметить, что жезл, который является его атрибутом, имеет тесные символические связи с кадуцеем.[60] Этот пример медицины позволяет понять, каким образом одна и та же наука может иметь аспекты, относящиеся к различным порядкам, отсюда также и различные соответствия, даже если внешние эффекты, которые в них достигаются, кажутся сходными, так как есть медицина чисто духовная или «теургическая» и есть также медицина герметическая или «спагирическая» (алхимическая); это находится в прямой связи с рассматриваемым сейчас вопросом; возможно, когда-нибудь мы объясним, почему с традиционной точки зрения медицина рассматривалась в основном как священническая наука.

С другой стороны, всегда есть тесная связь, установленная между Енохом (Сейидна Идрис) и Илией (Elie) (Сейидна Дхул-Кифл, Dhul-Kifl), и тот и другой вознесенные на небо без прохождения через телесную смерть,[61] исламская традиция располагает их обоих в солярной сфере. Кроме того, следуя традиции розенкрейцеров Художник Элиас (Elias Artista), который председательствует на герметическом «Великом Деянии»,[62] помещается в «Солнечной Цитадели», которая является, собственно говоря, местопребыванием «Бессмертных» (в смысле Чирадживы (Chirajivis) индуистской традиции, то есть существ, «одаренных долгожительством» или тех, жизнь которых продолжается сквозь всю длительность цикла),[63] и которая представляет собою один из аспектов

«Центра Мира». Все это, разумеется, достойно размышления, и если еще сюда присоединить традиции, почти повсюду символически отождествляющие само Солнце с плодом «Древа Жизни»,[64] то, может быть, станет понятным та особая связь, которую имеет солнечное воздействие с герметизмом, в силу того, что последний, как и «малые мистерии» античности, главной своей целью имеет восстановление «изначального человеческого состояния»: не эта ли «Солнечная Цитадель» розенкрейцеров должна «спуститься с неба на землю» в конце цикла в виде «Небесного Иерусалима», реализующего «квадратуру круга» согласно совершенной мере «золотой ветви»?

ГРОБНИЦА ГЕРМЕСА

То, что мы сказали о некоторых «псевдо-инициатических» начинаниях, позволяет с легкостью понять причины, по которым мы так мало старались заниматься вопросами, более или менее непосредственно касающимися древнеегипетской традиции. В этой связи мы можем еще добавить следующее: сам факт, что современные египтяне никак не занимаются в настоящее время исследованиями, касающимися этой исчезнувшей цивилизации, в достаточной мере показывает, что из этого невозможно извлечь никаких реальных преимуществ с интересующей нас точки зрения.; действительно, если бы это было иначе, то, очевидно, они не предоставили бы иностранцам нечто вроде монополии, которые, к тому же, никогда ничем большим, чем простая эрудиция, не занимаются. Правда, между древним Египтом и современным есть только географическое совпадение без всякой исторической преемственности; так что традиция, о которой идет речь, в полнейшей степени является чуждой для стран, в которых она некогда существовала, так же как друидизм для тех народов, которые населяют в настоящее время древние кельтские страны; и тот факт, что там существует гораздо большое число памятников, ничего не меняет в этом отношении. Мы считаем нужным уточнить этот момент раз и навсегда, чтобы прервать все те иллюзии, которые слишком легко возникают в этом отношении у тех, кто никогда не имел случая исследовать это более внимательно; в то же время это замечание полностью разрушает претензии «псевдо-посвященных», которые, считая себя относящимися к древнему Египту, дают понять, что они связаны с чем-то, оставшемся в самом Египте; однако, мы знаем, что это совершенно воображаемое предположение и что кое-кто действительно доводит свои претензии до этого, рассчитывая на всеобщее невежество, в чем они, к несчастью, совершенно правы.

Тем не менее, несмотря на все это, иногда мы обязаны давать, по мере возможности, некоторые объяснения, о которых нас со всех сторон в последнее время просят, вследствие невероятного множества фантастических историй, о которых мы должны были говорить, давая рецензии на те книги, которые мы упоминали выше. Надо сказать, что эти объяснения не относятся на самом деле к самой египетской традиции, а только к тому, что от нее сохранилось в арабской традиции; по крайней мере, здесь имеется несколько любопытных указаний, способных помочь в

прояснении некоторых темных моментов, хотя мы вовсе не преувеличиваем важность тех выводов, которые можно из этого извлечь.

Выше мы отмечали, что на самом деле неизвестно, чему могла служить Великая Пирамида, и с таким же успехом мы могли бы сказать то же самое и обо всех Пирамидах в целом; правда, самое общераспространенное мнение видит в них гробницы, и разумеется, сама по себе эта гипотеза ничего не имеет в себе невозможного; но с другой стороны, мы знаем также, что современные археологи в силу своих некоторых предвзятых идей, стараются повсюду найти гробницы, даже там, где от них нет и малейшего следа, это вызывает в нас некоторое недоверие. Во всяком случае, никакой гробницы в Великой Пирамиде не найдено; но даже если бы она была там найдено, то загадка этим не была бы еще полностью разрешена, так как очевидно, это не исключает, в то же время, и другого ее использования, может быть, даже более важного, как и некоторых других Пирамид, которые служили гробницами; возможно также (как некоторые полагали), что использование этих монументов для захоронения являлось более или менее поздним и что первоначально, то есть во время их строительства, их назначение было иным. Тем не менее, если на это возразят, что некоторые древние данные более или менее традиционного характера, как кажется, подтверждают, что речь действительно идет о захоронениях, то мы скажем следующее (что может показаться на первый взгляд странным, но что позволит принять последующие затем размышления): не могут ли гробницы, о который идеи речь, пониматься в чисто символическом смысле?

Действительно, некоторые говорят, что Великая Пирамида было гробницей Сейидна Идриса, иначе говоря, пророка Еноха, тогда как вторая Пирамида была гробницей другого персонажа, который был Учителем первого и к которому мы еще вернемся; но представленное таким образом и принятое в буквальном смысле, это заключает в себе явный абсурд, потому что Енох не умер, а был вознесен живым на Небо; следовательно, каким же образом он мог иметь гробницу? Однако не следует здесь спешить говорить, на западный манер, о легенде, лишенной основания, так как вот и объяснение, которое этому дается: это не тело Идриса было захоронено в Пирамиде, а его наука; при этом некоторые допускают, что речь идет об его книгах; но насколько это правдоподобно, чтобы книги были просто на просто зарыты и какой это могло представлять интерес с какой бы то ни было точки зрения?[65] Разумеется, еще более правдоподобно, что содержание этих книг было выгравировано иероглифическими знаками внутри монумента; но, к несчастью, как раз в

Великой Пирамиде не находится ни надписей, ни символических изображений какого либо рода.[66] Тогда остается только одна приемлемая гипотеза: наука Идриса на самом деле была спрятана в Пирамиде, но постольку, поскольку она заключена в самой ее структуре, в ее внутреннем и внешнем расположении и в ее пропорциях; и все, что можно найти значимого в «открытиях», которые наши современники сделали или думают, что сделали, в целом представляет собой лишь несколько незначительных фрагментов этой древней традиционной науки.

Эта интерпретация, впрочем, довольно хорошо согласуется с другой, арабской версией происхождения Пирамид, которая приписывает их строительство допотопному царю Суриду (Surid): он, будучи предупрежден во сне о неизбежности Потопа, воздвигнул их в согласии с планом мудрецов и приказал жрецам заложить в них тайны своих наук к наставления их мудрости. Однако известно, что Енох или Идрис, также допотопные, отождествляются с Гермесом и Тотом, которые представляют собою источник, из которого египетское священство получило свои знания, а также, в широком смысле, представляют и само это египетское священство, как продолжателя той же самой функции традиционного обучения; таким образом, в любом случае эта самая священная наука была помещена в Пирамидах.[67]

С другой стороны, этот памятник, предназначенный для сохранения традиционного знания в предвидение катаклизма, напоминает еще одну, тоже хорошо известную историю о двух колоннах, воздвигнутых согласно одним, как раз Енохом, согласно другим — Сифом, на которых было написано существо всех наук; упоминание здесь Сифа приводит нас к персонажу, о котором говорится, что вторая Пирамида была его гробницей. Действительно, если последний был Учителем Сейидна Идриса, то он не мог быть никем другим, как только Сейидна Сайфом (Seyidna Shith), то есть Сифом, сыном Адама; правда, древние авторы его называли, по видимости, странными именами Агатимун (Aghatimun) и Адхимун (Adhimun); но эти имена явно являются деформациями греческого Агатодаймон (Agathodaimon), который соотносясь с символизмом змеи в ее благотворном аспекте, как раз приложим к Сифу, как это мы уже объясняли в другой связи.[68] Установленная между Сифом и Енохом особая связь тем более замечательна, что и тот и другой в свою очередь соотносится с определенными традициями, касающимися возвращения в земной Рай, то есть в «изначальное состояние», а следовательно, с «полярным» символизмом, который, без сомнения, имеет определенную

связь с ориентацией Пирамид; но это уже другой вопрос, мы здесь только отметим па ходу дела, что этот факт, достаточно ясно предполагающий соотнесенность с «духовными центрами», подтверждает гипотезу, полагающую Пирамиды местом посвящения, что, впрочем, являлось нормальным средством поддержания в «живом» виде тех познаний, которые были там заключены, так долго, по крайней мере, как существовало бы это посвящение.

Добавим еще одно замечание: говорится, что Идрис и Енох написали множество боговдохновенных книг, после того, как сам Адам и Сиф уже написали другие книги;[69] эти книги были прототипами священных книг египтян, а более недавние «Герметические Книги» представляют собой нечто вроде «реадаптации», так же как различные «Книги Еноха», которые под этим именем дошли и до нашего времени. С другой стороны, книги Адама, Сифа и Еноха должны соответственно выражать различные аспекты традиционного знания, заключая в себе более специальное отношение с той или иной священной наукой, также как это всегда происходит с учением, передаваемым различным пророками. В этих обстоятельствах было бы интересно спросить, есть ли что-то такое, что каким-то соответствует образом этим различиям, относящимся к Еноху и Сифу, в самой структуре двух Пирамид, о которых мы говорили, и может быть, даже, что третья Пирамида тогда может иметь какое-то отношение к Адаму, потому что, хотя мы нигде и не встречали на это никакого явного намека, было бы весьма логично предположить, что она должна дополнять троицу больших допотопных Пирамид.[70] Мы, разумеется, не думаем, что эти вопросы можно разрешить в настоящее время; в конце концов, все современные «исследователи» «загипнотизированы», так сказать, почти исключительно Великой Пирамидой, хотя на самом деле она в конечном счете не на так уж на много превосходит две остальные, чтобы разница была столь поразительной; и когда они уверяют, чтобы подтвердить исключительную важность, приписываемую ей, что только она одна является точно ориентированной, возможно, что они ошибаются, допуская, что определенные вариации в ориентации могут быть следствием не простой небрежности строителей, а точно отражают нечто, что соотносится с разными традиционными «эпохами»; но чего можно ожидать от современных западных людей, имеющих для организации своих исследований столь мало правильных и точных понятий о вещах такого рода.[71]

Определенной значение имеет также то, что само имя Гермес (Hermes)

далеко не безызвестно в арабской традиции;[72] и следует ли видеть лишь «совпадение» в том сходстве, которое есть между ним и словом Харам (Haram, во множественном числе Ahram), арабское обозначение Пирамиды, от которого он отличается простым добавлением последней буквы, которая вовсе не является частью его корня? Гермес называется El-muthalleth bil-hikam, что значит буквально «тройной в мудрости»,[73] что эквивалентно греческому термину «Трисмегист», являясь более эксплицитным, так как «величие», выражаемое последним термином, является лишь следствием мудрости, собственным атрибутом Гермеса.[74] Однако эта «троичность» имеет еще одно значение, так как она иногда развертывается в форме трех различных Гермесов: первый, называемый «Гермес из Гермесов» (Hermes El-Haramesah) и считающийся допотопным, идентифицируется собственно с Сейидна Идрисом; два других, которые являются послепотопными, это «Гермес Вавилонский» (El-Babeli) и «Гермес Египетский» (El-Micri); как представляется, это достаточно ясно указывает на то, что обе традиции, халдейская и египетская, исходят непосредственно из одного и того же первоначального истока, который, имея признанный допотопный характер, может быть только лишь атлантистской традицией.[75]

Чтобы не подумали обо всех этих размышлениях, которые, разумеется, очень далеки от представлений как египтологов, так и современных исследователей «секретов Пирамиды», все же можно сказать, что она по истине представляет собою «гробницу Гермеса», так как тайны его мудрости и его науки спрятаны там таким образом, что их, конечно, очень трудно там найти.[76]

РЕЦЕНЗИИ

Энель: КОРНИ «ТВОРЕНИЯ» И УЧЕНИЕ ХРАМОВ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА[77]

Конечно, очень трудно и, может быть, даже совершенно невозможно в настоящее время узнать, чем на самом деле была древнеегипетская традиция, полностью исчезнувшая за столько прошедших веков; различные же интерпретации и реконструкции, предпринятые египтологами, по большей части, являются гипотетическими и к тому же часто противоречащими друг другу. Представляемая здесь работа отличается от обычных египтологических трудов похвальной заботой о понимании учения, в них, в основном, отсутствующей, а так же тем большим значением, которое в ней совершенно оправданно придается символизму, который «официальные» ученые стараются отрицать или просто игнорируют; но означает ли это, что содержащиеся в ней представления будут менее гипотетичными, чем их представления? Мы позволим себе в этом несколько усомниться, в особенности, наблюдая, что они вдохновлены отчасти предвзятой точкой зрения, стремящейся найти параллелизм между египетской и древнееврейской традициями, тогда как, подразумевая, что основание повсюду то же самое, ничто тем не менее не доказывает, что две формы, о которых идет речь, были бы на самом деле так близки друг к другу, а прямая преемственность, которую автор, как кажется, между ними предполагает и которую самим названием хочет внушить, является более чем спорной. Из этого следуют более или менее произвольные отождествления, например, спросим, правда ли, что в древнеегипетском учении универсальное проявление рассматривалось в аспекте «творения», которое представляется исключительно характерным для древнееврейской и для связанных с ней традиций; свидетельства древних, которые должны были лучше знать, как к этому относиться, никоем образом не указывают на это; и здесь наше сомнение еще больше увеличивается, когда мы видим, что тот же самый принцип квалифицируется то как «Творец», то как «Демиург»; надо было по крайней мере выбирать между этими двумя, столь очевидно несовместимыми ролями… С другой стороны, лингвистическое рассмотрение потребовало бы, несомненно, множества оговорок, так как совершенно очевидно, что язык, на котором выражалась древнеегипетская традиция, известен нам не лучше, чем сама эта традиция; надо еще

добавить, что некоторые истолкования явно внушены оккультистскими концепциями. Все же, это не означает, что в этом томе, первая часть которого посвящена Вселенной, а вторая — Человеку, нет достаточно большого числа замечаний, достойных интереса, из которых некоторая часть могла бы даже быть подтверждена сравнениями с восточными традициями в гораздо большей степени, чем библейскими ссылками, что, к сожалению, автор, кажется, почти полностью игнорирует. Мы, разумеется, не можем здесь говорить об этом более подробно; в качестве примера мы назовем только в этом ряду идей то, что касается созвездия Бедра (La Cuisse), обозначающего Большую Медведицу, и выражения «Глава Бедра» (Chef de la Cuisse), которое применяется к полюсу; было бы любопытно сделать по этому поводу сопоставления. Отметим, наконец, мнение автора относительно Большой Пирамиды, в которой он видит одновременно «солнечный храм» и памятник, предназначенный «обессмертить знания законов Вселенной»; это предположение, по крайней мере, столь же допустимо, как и многие другие, которые делались по этому поводу; но что касается утверждения о том, что «скрытый символизм древнееврейских и христианских писаний прямо соотносится с фактами, которые имели место в ходе строительства Большой Пирамиды», то это утверждение кажется нам лишенным правдоподобия во всех отношениях!

Энель: ПОСЛАНИЕ СФИНКСА[78]

Замечания, которые мы сформулировали в прошлом году по поводу другой работы этого же автора, касающиеся чисто гипотетического характера всякой попытки реконструкции и интерпретации древней египетской традиции, в равной степени относится и к этой работе, в первой части которой мы находим в более кратком изложении некоторые из тех же самых идей. Книга начинается исследованием иероглифической письменности, которое основывается на совершенно правильных принципах, достаточно, впрочем, известных, в том, что касается большинства значений этой письменности; но когда хотят применить их и разобраться в деталях, то как можно быть уверенным, что при этом в той или иной мере не примешивается фантазия? Заметим также, что термин «идеографический», не прикладывается, как утверждается здесь, к простому представлению чувственных предметов, и что он есть синоним «символического», когда речь идет о письменности; имеются и другие неточности языка, не менее досадные: так, конечно же, учение древних египтян Должно было быть «монотеистическим» по существу, так как любое традиционное учение без исключения в сущности является таковым, в том смысле, что оно не может не утверждать изначального единства; но если это слово «монотеизм» представлено в приемлемом значении, даже помимо специфически религиозных форм, то имеют ли право, с другой стороны, называть «пантеизмом» то, что всеми принято именовать «политеизмом»? Другая, более существенная неточность касается магии, которую автор явно смешивает во многих случаях с теургией (путаница, которая восходит в конечном счете к смешению психического и духовного), так как он ее видит повсюду, где речь идет о «могуществе слова», наводя на мысль о том, что она должно играть основную роль в самом истоке, тогда как, напротив, ее господство, как мы уже это часто разъясняли, могло быть в Египте, так же как и в других местах, лишь фактом более или менее позднего вырождения. Отметим еще, прежде чем идти дальше, довольно досадную уступку современным «эволюционистским» теориям: если люди этих древних эпох имели такую грубую или рудиментарную ментальность, которую им приписывают, то где могли бы рекрутироваться эти «посвященные», относительно которых в те же самые времена констатируют по истине совершенно противоположную ментальность? Между антитрадиционным

«эволюционизмом» и принятием традиционных данных необходимо делать выбор, и всякий компромисс может привести только к неразрешимым противоречиям. Вторая часть посвящена древнееврейской Каббале, что могло бы быть удивительным, если не знать идей автора по этому предмету: действительно, для него древнееврейская традиция непосредственно исходит из египетской традиции, они как «два следующих друг за другом кольца одной и той же цепи». Мы уже говорили, что мы об этом думаем, но уточним еще раз: автор, разумеется, прав, когда предполагает, что древнеегипетская традиция происходит из Атлантиды (которая, впрочем, сама не была местопребыванием изначальной традиции, и мы можем это заявить более четко, чем он), но она не была единственной, то же самое кажется правильным и относительно халдейской традиции; арабское учение о «трех Гермесах», о котором мы говорили по другому случаю, достаточно точно указывает на это родство; но если главный источник был таким образом тем же самым, то различие этих форм, возможно, было определено скорее всего встречей с другими течениями, одним, идущим с юга, для Египта, а другим с севера, для Халдеи. Однако древнееврейская традиция является по существу «аврамической», следовательно, халдейской по своему происхождению; «реадаптация», произведенная Моисеем, несомненно, могла (в согласии с обстоятельствами места) дополнительно использовать египетские элементы, в особенности в том, что касается некоторых традиционных, более или менее второстепенных наук; но она никоим образом не могла бы извлечь эту традицию из своего собственного рода, чтобы перенести ее в другой род, чуждый тому народу, которому она была специально предназначена и в языке которого она должна была быть сформулирована. Впрочем, раз признают общность происхождения и основания всех традиционных учений, то констатация определенного сходства не влечет за собой никоим образом никакой прямой преемственности: так обстоит дело, например, в случае связей, подобных тем, которые устанавливает автор между Сефиротами и египетской «Эннеадой», полагая их оправданными; в крайнем случае, даже если предполагают, что Речь идет о сходстве, слишком конкретном для того, чтобы восходить к изначальной традиции, родства египетской и халдейской традиций в любом случае вполне достаточно, чтобы отдать себе в этом отчет. Когда же претендуют на то, что древнееврейская письменность произошла из иероглифов, то эта гипотеза представляется слишком произвольной, потому что в действительности никто не знает, чем на самом деле была эта письменность; все указания, которые можно найти в этом отношении

заставляют думать скорее противоположное; и кроме того, совсем не ясно, каким образом отождествление чисел и букв, которое является существенным для древнееврейского языка, могло бы быть заимствованным из иероглифической системы. К тому же тесное сходство, существующее между древнееврейским и арабским языками, о котором здесь нет ни малейшего упоминания, еще более явно противоречит этой гипотезе, так как было бы очень трудно серьезно утверждать, что арабская традиция также должна происходить из Египта! Мы сразу же перейдем к третьей части, где мы прежде всего встречаем взгляды на искусство, которые если и содержат некоторые правильные мысли, не в меньшей степени исходят из более чем сомнительного утверждения; невозможно сказать, по крайней мере без дальнейшего уточнения, что «имеется только одно искусство», так как слишком очевидно, что единство основания, то есть символически выражаемые идеи, совершенно не исключает множественности форм. В следующих главах автор дает обзор не подлинных традиционных наук, как этого можно было бы пожелать, но каких-то, более или менее деформированных обрывков, которые продолжают существовать вплоть до наших дней, в особенности, в виде «гадания». Влияние, которое оказали на него концепции «оккультистов», обнаруживается здесь особенно досадным образом. Добавим также, что совершенно неправильно говорить, что некоторые науки, которые зародились в древних храмах, совершенно тождественны современным и «университетским» наукам; на самом деле, даже там, где есть явное сходство предмета, точка зрения на него была совершенно отлична и всегда существует настоящая пропасть между традиционными и профанными науками. Наконец, мы не можем позволить себе не указать некоторые ошибки в деталях, так как среди них есть поистине удивительные примеры: так, хорошо известный образ «пахтания моря» здесь дан как образ «бога Самудра Муту» (Samudra Mutu) (sic!) Но это может быть более простительно, чем ошибки, относящиеся к вещам, более знакомым автору, нежели индуистская традиция, а именно, к древнееврейскому языку. Не будем говорить о том, что относится только к транскрипции, хотя она здесь ужасающе «небрежна»; но как можно все время называть Ain Bekar то, что на самом деле есть Aiq Bekar (криптографическая система, известная как в древнееврейском, так и в арабском языках, в которой можно видеть прототип масонского алфавита), путая кроме того, когда речь идет о нумерическом значении, финальную форму kaph с финальной формой noun и даже сверх того упоминать «финальный samek», который никогда не существовал и который есть

ничто иное как mem? Как можно утверждать, что переводчики «Творения» передавали thehom через «воды», тогда как в том месте, где это слово находится в еврейском тексте, стоит maim, а вовсе не thehom, или что «Эйн Соф буквально означает Древний Годами», тогда как буквальный перевод этого имени «без предела»? Ietsirah означает «Формирование», а не «Творение» (которое обозначается как Beriah); «Зогар» означает не «Небесная Колесница» (очевидное смешение с «Меркабах»), а «Сияние»; автор, кажется, совершенно игнорирует то, что представляет собой Талмуд, поскольку он его рассматривает как состоящий из Нотарикона, Темураха и Гематрии, которые впрочем вовсе не являются «книгами», как он это утверждает, а методами каббалистической интерпретации! Мы на этом остановимся; согласимся, что подобные ошибки вовсе не побуждают слепо принимать утверждения автора и относительно менее легко проверяемых моментов и безоговорочно доверять его египтологическим теориям…

Ксавьер Гишар: ЭЛЕВСИНСКАЯ АЛЕЗИЯ. ИССЛЕДОВАНИЕ ОБ ИСТОКАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ[79]

Когда думаешь о воззрениях, представленных в этой работе, то в любом случае следует отдать должное тому большому труду, который в ней заложен, терпению и постоянству, доказательство которых дал нам автор, посвящая этим исследованиям в течение двадцати лет весь свой досуг, который оставался у него от его профессиональных занятий. Он изучил, таким образом, все места не только во Франции, но и по всей Европе, носящие имя, по видимости происходящее от имени Алезия (Alesia), иногда в достаточно искаженных формах; он нашел довольно значительное их число и отметил, что все они представляют определенные общие топографические особенности: они «занимают места, окруженные более или менее значительными потоками воды, изолирующими их почти как острова», и «все они имеют минеральный источник». Начиная с «доисторических» времен или по крайней мере с «протоисторических» эти «алезианские места» выбирались по причине их привилегированного расположения в качестве «мест собраний» (в этом состоит первоначальный смысл имени, которым они обозначались), и вскоре они становились центрами обитания, что, кажется, подтверждается многочисленными остатками, которые там в основном находят. Все это, в общем, совершенно приемлемо и еще раз показывает, что в тех районах, о которых идет речь, то, что называют «цивилизацией», восходит в прошлое гораздо далее, чем это обычно предполагают, и даже без какого-нибудь значительного разрыва непрерывности с того времени. Может быть необходимо только сделать здесь некоторые уточнения относительно уподобления имен: так уподобление Алезии и Элевсина не столь очевидно, как это думает автор, впрочем, вообще, можно только пожалеть, что некоторые, предоставляемые им наблюдения свидетельствуют во многих случаях об его недостаточных или не очень надежных лингвистических познаниях; но даже оставляя в стороне более или менее сомнительные случаи, остается еще очень многое, особенно в Западной Европе, что может подтвердить сказанное выше. Само собой разумеется, что в конечном счете в существовании этой древней «цивилизации» нет ничего удивительного, каковы бы ни были ее происхождение и ее черты; далее мы возвратимся к

этим вопросам. Но есть еще кое-что, и явно нечто более экстраординарное: автор констатирует, что «алезианские места» располагались правильным образом на расходящихся из центра лучах и идущих от одного края Европы до другого; он обнаружил двадцать четыре таких линии, названные им «алезианскими маршрутами», которые все сходятся к горе Пупе (Poupet), возле Алеза (Alaise), в Ду (Doubs). Кроме этой системы геодезических линий имеется также и вторая, образованная из «меридиональной», «равноденственной» и двух относящихся к солнцестоянию линий, центром которых является другая точка той же самой «алезии», отмеченной местностью, носящей имя Мион (Myon); имеются еще серии «алезианских мест» (отдельные из них совпадают с некоторыми из предыдущих), представляющие собою вехи линий, в точности совпадающих с различными градусами широты и долготы. Все это образует достаточно сложный ансамбль, но, к сожалению, нельзя сказать, что все в нем является абсолютно строгим: так, не все двадцать четыре линии первой системы составляют между собою равные углы; впрочем, в отправной точке достаточно очень небольшой ошибки в направлении, чтобы на определенном расстоянии иметь значительное отклонение, что в довольно значительной степени допускает определенную «приблизительность»; имеются также изолированные «алезианские места» вне этих линий, и следовательно, исключения или аномалии… С другой стороны, не очень понятно, каково могло бы быть особенное значение центральной «алезии»; возможно, что, в действительности, она имела таковое в отдаленную эпоху, но все же достаточно удивительно, что впоследствии не осталось никакого следа, за исключением нескольких «легенд», которые в общем не имеют в себе ничего исключительного и которые связываются и со многими другими местами; во всяком случае, этот вопрос не решен и даже может быть неразрешим при современном состоянии дел. Как бы то ни было, имеется другое, более важное возражение, которое, кажется, автор не рассматривает, состоящее в следующем: с одной стороны, как мы только что видели, «алезианские места» определены некоторыми условиями, относящимися к естественной конфигурации земли; с другой стороны, они расположены на линиях, прочерченных искусственно людьми определенной эпохи; как можно согласовать эти две вещи совершенно различного порядка? «Алезианские места» также имеют в некотором роде два различных определения, и не ясно, в силу чего можно было бы придти к их объединению; это требует, по крайней мере, объяснения, а при его отсутствии, следует признать, что здесь есть некоторое неправдоподобие. Было бы иначе, если бы было сказано, что большинство мест, обладающих

«алезианскими» чертами, естественным образом распределены согласно некоторым определенным линиям; это может показаться странным, но, по существу, не невозможным: мир может быть гораздо более «геометричен» в реальности, чем можно было бы подумать; и в этом случае люди в действительности должны были лишь признавать существование этих линий и превращать их в дороги, связывая между собой различные «алезианские» учреждения; и если линии, о которых идет речь, не являются простыми «картографическими» иллюзиями, то мы совершенно не видим, как можно их понять иначе. Мы только что сказали о дорогах, и именно это, в действительности, предполагает существование на «алезианских маршрутах» определенных «вех расстояния», образованных местностями, большая часть которых носит такие имена, как Кале, Версаль, Мион, Мильер; эти местности находятся на таких расстояниях от центра, которые являются точными кратными некой единицы измерения, которой автор дает конвенциальное обозначение «алезианский стадий»; и особенно замечательно то, что эта единица, которая была прототипом греческого стадия, римской мили и гальского льё, равна шестой части градуса, из чего следует, что люди, которые зафиксировали ее длину, должны были с точностью знать истинные размеры земного шара. В этой связи автор называет факты, которые указывают, что познания географов «классической» античности, таких как Страбон и Птолемей, далеки от того, чтобы быть результатом их собственных открытий и представляют собою лишь остатки гораздо более древней науки, видимо даже «доисторической», большая часть из которых тогда уже была утрачена. Но нас удивляет, что несмотря на констатации такого рода, он принимает «эволюционистские» теории, на которых строится вся «предыстория», такая, как о ней учат официально; принимает ли он их на самом деле или только лишь не осмеливается им противоречить, все равно, в этой его установке есть что-то не совсем логичное, что во многом лишает силы его утверждения. На самом деле, эта сторона вопроса может быть прояснена лишь с помощью понятия священных наук, а оно вовсе не появляется в этой работе, где даже не встречается ни малейшего подозрения, что могла существовать наука, происхождение которой было бы иным, нежели «эмпирическим», которая не формировалась бы «прогрессивно» через длинную последовательность наблюдений, посредством которых человек, как допускалось, вышел мало помалу из предполагаемого «примитивного» невежества, которое при этом переносится несколько дальше в прошлое, чем это обычно думают. Разумеется, такое же отсутствие всяких традиционных данных касается того способа, которым рассматривается

происхождение «алезианской цивилизации»: истина состоит в том, что все вещи в своем начале и даже гораздо позже обладали ритуальным и «священным» характером; следовательно, уместно спросить, могли ли «религиозные» (впрочем, слово довольно неточное) влияния осуществляться в той или иной особой точке, что соответствует слишком современным воззрениям и даже может иногда иметь следствием полное переворачивание определенных отношений. Так, если принять, что обозначение «Елисейские Поля» находится в связи с «алезианскими» именами (что вообще-то кажется несколько гипотетичным), то не следует ли из этого заключить, что пребывание мертвых понималось по модели обитаемых мест, рядом с теми, где было закопаны их тела, но, скорее, наоборот, что сами эти места были выбраны и расположены в согласии с ритуальными требованиями, которыми руководствовались при этом и что считалось тогда гораздо большим, чем просто «утилитарными» заботами, если даже такие и могли существовать как таковые во времена, когда человеческая жизнь полностью управлялась традиционным знанием. С другой стороны, возможно, что «елисейские мифы» были связаны с «хтоническими культами» (и то, что мы говорили о символизме пещеры, в некоторых случаях может объяснить отношение с «мистериями» посвящения), но все же следовало бы уточнить смысл, придаваемый этому утверждению; во всяком случае, «Богиня-Мать» была чем-то совершенно другим, нежели «Природа», если только не понимать под этим Natura naturans, что уже вовсе не является «натуралистской» концепцией. Мы должны добавить, что преобладание, придаваемое «Богине-Матери», не могло восходить за пределы Кали-юги, которую оно достаточно четко характеризует; и может быть это позволит «датировать» более точно «алезианскую цивилизацию», мы хотим сказать, определить циклический период, к которому она должна быть отнесена: речь идет здесь о том, что, разумеется, в значительной степени предшествует «истории» в обычном смысле этого слова, но что уже, несмотря на это, не в меньшей степени удалено от подлинных истоков. Наконец, автор, кажется, очень озабочен установлением того, что «европейская цивилизация» имела свои истоки в самой Европе, помимо всякой интервенции иностранного и, в особенности, восточного влияния; но, по правде говоря, вопрос поставлен не совсем точно. Мы знаем, что первый исток традиции и, следовательно, всякой «цивилизации» на самом деле был гиперборейским, а не восточным или западным; но во времена, о которых идет речь, очевидно, что вторичный поток может рассматриваться как давший рождение этой «алезианской цивилизации», и действительно, различные признаки в этом отношении

наводят на мысль на атлантистский поток в период, когда он распространялся от Запада к Востоку после исчезновения самой Атлантиды; это, конечно, всего лишь совет, но он по крайней мере позволит легче ввести в рамки традиционных данных все то, что может быть поистине обоснованного в результатах этих исследований. Во всяком случае, несомненно, что такой вопрос, как «алезианские места» можно трактовать точно и полно только лишь основываясь на единственной точке зрения «священной географии»; но все же надо сказать, что среди древних традиционных наук она, конечно, являлась одной из тех, реконструкция которых в настоящее время представляет наибольшие и, может быть, во многих отношениях непреодолимые трудности; и в присутствии некоторых загадок, которые встречаются в этой области, позволительно спросить, не менялся ли облик земного мира (иногда весьма странным образом) даже в течение тех периодов, когда никакие значительные катаклизмы не происходили.

Ноэль де ла Уссай: ИТАЛИЙСКАЯ АРХАИЧЕСКАЯ БРОНЗА И ЕЕ СИМВОЛИКА[80]

Это исследование начинается с рассмотрения происхождения монет в бассейне Средиземноморья, вопрос довольно темный, для разрешения которого (как и для многого в таком роде) представляется невозможным восходить далее VI века христианской эры. Во всяком случае, автор хорошо понял, что «монеты были для древних вещью священной» (в противоположность совершенно профанному пониманию, которое об этом имеют современные люди) и что этим объясняется характер символов, имеющихся на них; мы думаем, что можно было бы даже пойти дальше и увидеть в этих символах печать осуществляемого духовным авторитетом контроля. То, что следует далее и касается Рима и Италии, гораздо более гипотетично: сближение имени Энея и латинского названия бронзы кажется довольно спорным, хотя и не невозможным; возможно, это слишком узкая интерпретация легенды об Энее, которая в различных этапах его путешествий не видит ничего другого, кроме этапов распространения бронзовых монет; сколь ни было бы оно важно, тем не менее оно может рассматриваться только как вторичный факт, несомненно связанный со всем ансамблем традиции. Как бы то ни было, но самой невероятной нам представляется идея о том, что эта легенда об Энее могла иметь какое-нибудь отношение к Атлантиде: прежде всего, эти путешествия, осуществлявшиеся из Малой Азии в направлении к Италии, очевидно, не имели своей отправной точной Запад; затем, они относятся к эпохе, пусть и не определимой с достаточной точностью, но во всяком случае, на многие тысячелетия более поздней, чем исчезновение Атлантиды; но то, что эта теория слишком полна воображения, так же как и лингвистических фантазий, на которых мы не будем останавливаться, возможно, следует отнести за счет того факта, что исследование, о котором идет речь, появилось частью сначала в журнале «Атлантис»… Перечисление встречающихся на монетах символов, кажется, была выполнено насколько возможно более полным образом, и в конце работы были также добавлены синоптические таблицы, позволяющие понять их распределение на кружном пути вокруг средиземноморского бассейна; но о значении этих символов следовало бы сказать гораздо больше, и в этом

отношении есть очень даже удивительные пробелы. Так, для нас совершенно не объяснимо, как можно сказать, что нос корабля с присоединенной фигурой Януса на римском ассе, «имеет отношение к Сатурну, и только к нему», тогда как хорошо известно, что корабль и лодка были атрибутами самого Януса:, что касается Сатурна, то довольно странно, как можно было назвать «пастушеской эрой» то, что на самом деле было «земледельческой эрой», то есть как раз наоборот, поскольку пастухи, в основном, народы кочевые, а земледельцы — народы оседлые; следовательно, каким же образом «пастушеская эра» может совпадать с «образованием городов»? То, что говорится о Диоскурах, не проясняет ситуацию, то же относится и к Кабирам; но как получилось, что автор не заметил, что символизм последних тесно связан с металлургией, и даже еще более конкретно, с медью, что, однако, могло бы иметь самое непосредственное отношение к его предмету?

Ноэль де ла Уссай: ФЕНИКС, СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЭМА[81]

Не в нашей компетенции оценивать поэму как таковую, но с символической точки зрения она нам кажется не столь ясной, как было бы желательно, и даже «циклический» и «солнечный» характер мифа о Фениксе не достаточно четко выявлен; что же касается символа яйца, то мы признаемся, что нам не удалось понять, как он там трактуется; весь ансамбль в целом создает впечатление, вопреки своему названию, результата скорее «философического», чем символического вдохновения. С другой стороны, автор, кажется, серьезно верит в существование некоей организации, называющейся «Братьями Гелиополиса» и в ее связи с египетской традицией; в Европе часто составляют весьма курьезные идеи о Египте… В конце концов, точно ли, что именно с Египетским Гелиополисом первоначально ассоциировался Феникс? Был еще Гелиополис в Сирии, а если заметить, что всегда вплоть до сегодняшнего дня Сирия была не единственной страной, носящей это имя, то это может еще больше приблизить нас к началам; истина состоит в том, что различные «Города Солнца» определенной, относительно недавней эпохи никогда не были ничем другим, как только вторичными образами гиперборейской «Солнечной Земли», и что таким образом через все производные формы, «исторически» известные, символизм Феникса оказывается прямо связанным с самой изначальной Традицией.

ПИСЬМА О ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ, том III[82]

«Письма о Человечестве», публикация Ассоциации Гийома Бюде (Guillaume Bude), содержат в третьем томе (1944) любопытное исследование г-на Поля Мори (Paul Maury), названное «Секрет Вергилия и архитектура Буколик». Автор здесь открыл действительно настоящую «архитектуру», почти столь же удивительную, как архитектура «Божественной Комедии»; это достаточно трудно резюмировать, но тем не менее мы попытаемся указать главные черты. Он прежде всего отметил симметрию между I и IX эклогами (испытания Земли), между II и VIII (испытания Любви), между III и VII (Музыка освободительница), между IV и VI (сверхъестественные откровения); эти восемь эклог образуют двойную прогрессию, с одной стороны восходящую (для четырех первых), а с другой нисходящую (для четырех последних), то есть нечто вроде двойной лестницы, вершина которой занята V-й эклогой (Дафнис), которую он называет «Главной Буколикой». Остается эклога X-я (Галл), которая противопоставлена эклоге V-й, «как любовь профанная — священной любви, как плотский, не полностью посвященный человек — идеалу обновленного человека»; это «два предела, между которыми циркулируют души, между земным шаром и Олимпом». Все тогда образует нечто вроде плана «собора», или скорее «пифагорейской базилики», в которой V-я эклога представляет собой апсиду, тогда как X-я располагается на противоположном конце; между этими двумя другие эклоги располагаются по бокам с одной и другой стороны, те, которые симметричны, оказываются, разумеется, визави. Но это не все, и следующие затем замечания еще более необычны: речь идет о числе стихов в различных эклогах, в котором обнаруживается множество других симметрии, которые, разумеется, не могли быть непроизвольными. На первый взгляд, правда, некоторые из этих симметрии представляются только как приблизительные; но небольшие отличия, констатированные таким образом, приводят автора к определению и «локализации» некоторых искажений текста (пропущенные или добавленные стихи), впрочем, немногочисленных, и что полностью совпадает с теми искажениями, которые уже раньше подозревались согласно чисто филологическим исследованиям. Учитывая это, симметрия становится совершенно точной; к сожалению, мы здесь не можем воспроизвести различные таблицы, в которых они обозначены и без которых они не могут

быть поняты. Поэтому мы только скажем, что основные числа, которые выявлены здесь с очевидностью и повторяются со значительной настойчивостью, суть таковы: 183, число, которым, согласно пассажу из Плутарха, «пифагорейцы обозначали саму гармонию Великого Космоса», 333 и 666; последнее также является «пифагорейским числом, треугольным числом от 36, которое само есть треугольник от 8, двойная Огдоада Тетрады»; мы добавим, что это, по существу, «солнечное» число, и мы должны добавить, что смысл, придаваемый ему в Апокалипсисе, не представляет собою «перевертывание ценностей», как это говорит автор, но является на самом деле приложением противоположного аспекта этого числа, которое в самом себе содержит, как и многие другие символы, и «благотворный» и «злотворный» смыслы. Очевидно, что Вергилий имел в виду первый из этих двух смыслов; а теперь, правда ли, что он хотел сделать число 666 специально «цифрой Цезаря», что, кажется, подтверждается фактом, согласно комментатору Сервию, что Дафнис центральной (пятой) эклоги есть не кто иной, как сам Цезарь? Разумеется, здесь нет ничего невероятного, и другие замечательные сопоставления тоже поддерживают эту интерпретацию; добавим, впрочем, что не следует в этом видеть только простое «политическое», в обычном смысле слова, приложение, если вспомнить не только о «религиозной» стороне (что автор признает), но и о реальной «эзотерической» стороне роли Цезаря. Мы не может более распространяться обо всем этом, но думаем, что мы сказали достаточно, чтобы показать важность этой работы, чтение которой мы в особенности рекомендуем тем, кто интересуется символизмом чисел.

Другие статьи, посвященные Гиппократу в том же выпуске, вызывают некоторые размышления: в настоящее время в медицинской среде много говорят о «возвращении к Гиппократу», но, странная вещь, кажется, его рассматривают двумя различными и даже противоположными способами в смысле интенций, когда одни, с большим основанием, понимают это возвращение как реставрацию традиционных идей, а другие, как в данном случае, хотят из этого сделать нечто совершенно противоположное. Последние на самом деле намереваются придать гиппократовской медицине «философский» характер, то есть, согласно придаваемому ими смыслу этого слова, «рационалистический», и даже можно считать «светский» (не забывают ли они, таким образом, что сам Гиппократ принадлежал к священнической фамилии, без чего, впрочем, он вовсе не мог быть врачом?), и противопоставить ее в этом качестве древней священнической медицине, в которой они, естественно, не хотят видеть ничего другого, кроме «эмпиризма» и «предрассудка», согласно

привычному современному предубеждению! Мы не думаем, что было бы бесполезно привлекать к этому внимание сторонников традиционного гиппократизма и призвать их, когда представится для них такой случай, расставить все по своим местам и выступить против этой ложной интерпретации; действительно, было бы очень жаль позволить таким образом отвратить это движение от его нормальной и законной цели, которое, даже если оно до сих пор пока обозначено как простая тенденция, не лишено интереса во многих отношениях.

ПИСЬМА О ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ, том IV[83]

«Письма о человечестве» (т. IV, 1945) содержат длинное исследование о «Боге Янусе и его римских истоках» г-на Пьера Грималя (Pierre Grimal), в котором содержится большое количество интересных и мало известных сведений с исторической точки зрения, но из которых не извлекается, к сожалению, никаких реально значимых заключений. Автор, конечно, имеет весьма веское основание критиковать «историков религий», которые хотят все сводить к таким «простым и грубым идеям», как «силы природы» или «социальные функции»; но достаточно ли удовлетворительны его собственные объяснения, хотя они и обладают более субтильным характером? Что бы ни думали о более или менее гипотетическом существовании архаического слова ianus, обозначающего «действие ходьбы» и имеющего, следовательно, смысл «перехода», мы не видим, что же позволяет утверждать изначально отсутствие всякого родства между этим словом и именем бога Януса, так как простое различие в склонении, разумеется, никоим образом не мешает, общности корня; это, по правде говоря, всего лишь филологические тонкости безо всякого серьезного значения. Даже если предположить, что изначально имя Янус не было латинским (так, для г-на Грималя Янус изначально был «иностранным богом»), то почему же корень «i», то есть «идти», являющийся общим для латинского и санскрита, нельзя было бы также найти и в других языках? Можно выдвинуть и другую, достаточно правдоподобную гипотезу: почему римляне, когда они принимали этого бога, не перевели его имя, каково бы оно ни было, через какой-нибудь эквивалент в своем собственном языке, как они позднее меняли имена греческих богов, чтобы отождествить их со своими? Вообще, тезис г-на Грималя состоит в том, что древний Янус вовсе не был «богом дверей» и что эта черта была ему добавлена «позднее» в результате смешения двух различных слов, хотя по форме и совершенно сходных; но нам все это кажется совершенно неубедительным, так как предположение о так сказать «случайном» совпадении никогда ничего не объясняет. Впрочем, совершенно очевидно, что глубокий символизм «бога дверей» от него ускользает; видит ли он его тесную связь с ролью Януса, относящуюся к годовому циклу, что, однако, довольно непосредственно связано с фактом, что тот же самый Янус был, как он говорит, «богом Неба», а также, в этом качестве, и богом посвящения? Этот последний момент вообще полностью обойден

молчанием; хотя он и говорит, что «Янус был посвященным, самим богом посвященных», но это слово здесь принимается в искаженном и профанном смысле, который на самом деле не имеет ничего общего с посвящением… Есть здесь любопытные замечания о существовании двуликого бога и в других местах, кроме Рима, а именно, в восточной части бассейна Средиземноморья, но было бы преувеличением заключать из этого, что «Янус был в Риме всего лишь воплощением сирийского Урана»; как мы уже говорили, сходство между различными традициями вовсе не предполагает «заимствований» одной у другой; но сможем ли мы это когда-нибудь объяснить тем, кто верит, что один лишь «исторический метод» приложим ко всему?

В этом же томе находится статья о «Беатриче в жизни и творчестве Данте», которая не представляет никакого интереса с нашей точки зрения, но которая вынуждает, однако, сделать одно замечание: как возможно, когда занимаются Данте, после всех работ, касающихся «Верных Любви» (Fedeli d'Amore), выполненных Луиджи Валли и многими другими, что полностью игнорируют (или по крайней мере, делают вид, что игнорируют) значение эзотерического и инициатического порядка? Он упоминает здесь только об одной теологической интерпретации Р. П. Мандоне (R. P. Mandonnet), которой, разумеется, недостаточно, но которая, хотя она и совершенно экзотерическая, все же несмотря ни на что предполагает более высокий смысл, чем грубый «буквализм», желающий видеть в Беатриче только «женщину из плоти и кости». Ведь именно этот «буквализм» всевозможными путями претендует на «объяснение более психологическое и более человеческое», то есть, в общем, более соответствующее вкусам современных людей, и он больше согласуется с «эстетическими» и «литературными» предрассудками, которые были совершенно чужды Данте и его современникам.

Жорж Дюмезиль: ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ РИМА[84]

Г-н Дюмезиль исходит из совершенно профанной точки зрения, но в ходе его исследований ему приходится встречаться с некоторыми традиционными данными, и он извлекает из них заключения, не лишенные интереса, но не всегда полностью оправданные, которые не могут быть приняты безоговорочно, тем более что он постоянно стремиться опереть их на лингвистические рассуждения, о которых можно сказать, что они, по меньшей мере, слишком гипотетичны. Впрочем, эти данные неизбежно слишком фрагментарны, он исключительно и в определенном смысле систематически «фиксируется» на таких вещах, как «трехчастное» деление, которое он стремится находить повсюду и которое, действительно, во многих случаях существует, но не является, тем не менее, единственным, что следовало бы учитывать, даже ограничиваясь областью его специализации. В этом томе он постарался резюмировать современное состояние своих работ, поскольку надо признать, что по меньшей мере у него нет претензий достичь окончательных результатов и к тому же его следующие друг за другом открытия уже привели его постепенно к изменению выводов. Речь идет, по существу, о том, чтобы выделить в римской традиции элементы, восходящие непосредственно, как представляется, к эпохе, в которой народы, которые принято называть «индоевропейскими», не разделились еще на несколько разных ветвей, каждая из которых должна была впоследствии продолжать свое существование независимым от других образом. В основании его теории лежит рассмотрение троичности божеств, состоящей из Юпитера, Марса и Квирина, которых он считает соответствующими трем социальным функциям; однако, представляется, что он слишком старается свести все к социальной точке зрения, что достаточно легко может вызвать переворачивание всех реальных отношений между принципами и их применением. Ему даже присущ определенно «юридический» склад ума, который явно ограничивает его горизонт; впрочем, мы не знаем, приобрел ли он его, посвятив себя в первую очередь изучению римской цивилизации, или же напротив, он уже имел эту тенденцию, и потому она его особенно привлекала, но в любом случае, обе эти стороны нам представляются связанными между собой. Мы не можем детально

рассматривать вопросы, трактуемые в этой книге, но мы должны по меньшей мере указать на любопытное замечание, тем более, что на нем основывается значительная часть его наблюдений; а именно, многие рассказы, которые, впрочем, представляются как «мифы», относятся в своих главных чертах к первым временам Рима (когда они даны как история), из чего следует заключить, что римляне превратили в «древнюю историю» то, что первоначально было в реальности их «мифологией». И судя по примерам, которые дает г-н Дюмезиль, в этом есть что-то истинное, хотя может быть, не следовало бы слишком злоупотреблять этой интерпретацией, сверх меры ее генерализируя; на самом деле, можно было бы спросить себя, не может ли история в некоторых случаях, особенно когда речь идет о «священной истории», действительно воспроизводить миф и предлагать как бы его «очеловеченный» образ, но само собой разумеется, что такой вопрос, который в целом есть не что иное, как вопрос о символической ценности исторических фактов, для современного ума не может быть даже поставлен.

---

notes

Примечания

1

Эта статья появилась на английском в «Journal of the Indian Society of Oriental Art», июнь-декабрь, 1937, изданном А. К. Кумарасвами по случаю его шестидесятилетия.

2

Mircea Eliade. Le Mythe de l'eternel retour. Archetypes et repetition. — Gallimard, Paris.

3

Gaston GeorgeL Les Rythmes dans l'Histoire. Chez l'auteur, Belfort.

4

Les Rythmes dans l'Histoire. Edition «Servir», Besancon.

5

Статья, названная «Громовые камни», появилась в «La Voile d' Isis», май 1929 г. и представляет собою XXV главу сборника «Фундаментальные символы священной науки».

6

Этот вопрос, как представляется, связан с вопросом о наклоне земной оси, наклоне, который, согласно некоторым традиционным данным не существовал в начале, но был следствием того, что в западных языках обозначается как «падение человека».

7

Те, кто захотел бы иметь более точные указания по этому поводу, могут их найти в замечательной работе B. G. Tilak, The Arctic Home in the Veda, которая, к сожалению, кажется, остается совершенно неизвестной в Европе, без сомнения, потому, что ее автор был не прозападным индусом.

8

По поводу атлантической Тулы мы думаем, что интересно привести здесь информацию, которую мы нашли в географической хронике Journal des Debats (22 января 1929 г.) об «Индейцах Панамского перешейка», важность которой, конечно, ускользнула от самого автора этой статьи: «В 1925 г. большая часть индейцев куна восстали, убили жандармов Панамы, который жили на их территории и основали независимую республику Туле, знаменем которой была свастика на оранжевом фоне с красной каймой. Эта республика существует еще и в настоящее время». Это означает, что осталось еще гораздо больше относящегося к традициям древней Америки, о чем не смели и подумать.

9

Статья, названная «Тройная друидическая ограда» появилась в «Le Voile d' Isis», 1929 г. и составляющая X главу «Фундаментальных символов священной науки».

10

Это имя Варахи применяется к «священной земле», символически ассимилировано с определенным аспектом Шакти Вишну, рассматриваемым в этом случае в его третьем аватаре; об этом можно многое сказать, и может быть мы позднее однажды к этому вернемся. Это имя никогда не могло означать Европу, как это, кажется, думал Сент-Ив д’Альвейдр; с другой стороны, этот вопрос, может быть, представляли бы себе на Западе гораздо более ясно, если бы Фабр д’Оливе и его последователи не смешивали бы запутанным образом историю Парашу-Рама и историю Рама-Чандры, то есть шестого и седьмого аватар, которые, однако, во всех отношениях различны.

11

Мы охотно предполагаем, что, написав это слово, г-н Ле Кур имел в виду скорее всего современные, а не традиционные интерпретации свастики, как, например, те, которые можно найти у немецких «расистов», которые претендуют на то, что они владеют этой эмблемой, облекая ее, впрочем, барочным характером и называя haken-kreuz или «крючковатый крест».

12

Г-н Ле Кур упрекает нас за слова в адрес его сотрудника, что тот «не имеет, конечно, дара языков», и он находит, что это «неудачное выражение»; он просто смешивает — увы! — «дар языков» с лингвистическими познаниями; то, о чем идет речь, не имеет ничего общего с эрудицией.

13

Этот самый г-н Сарачага написал zwadisca вместо свастика; один из его учеников, которому мы об этом как-то сообщили, убеждал нас, что у него были на то причины, чтобы так писать; это уж слишком легкое оправдание!

14

А именно, см. «Царь мира».

15

См. нашу работу «Символизм креста».

16

Мы думаем, что длительность атлантической цивилизации должна быть равной «великому году», понимаемому в смысле полупериода прецессии; что касается катаклизма, его заканчивающего, то некоторые соответствующие данные указывают, что имели место семь тысяч двести лет до 720 года Кали-юги, года, который сам является начальной точкой известной эры, но ни происхождение, ни значение которой, кажется, уже не знают и те, кто еще сегодня ее используют.

17

У арабов также обычно отсчитывают часы дня, начиная от магреба (maghreb), то есть от захода солнца.

18

Напротив, потопы Девкалиона и Огигеса у греков, как кажется, относятся к периоду еще более ограниченному и к частичным катаклизмам, более поздним по отношению к Атлантиде.

19

Начальное alef, исчезает в производном слове, что не является исключительным случаем; этот alef вовсе не представляет собою приставку, имеющую независимое значение, как этого бы хотел Латуш (Latouche), лингвистические концепции которого зачастую слишком фантастичны.

20

См. о символизме трех цветов нашу работу «Эзотеризм Данте».

21

См. «Царь мира», гл. VI, в конце.

22

«Человек и его становление согласно Веданте», гл. XIV. См. также «Ошибка спиритов», с. 116–119.

23

Это обнаруживается в отношении, существующем в арабском языке между словами «нур», свет, и «нар», огонь (в смысле тепла).

24

Здесь дело не обходится без определенных ошибок: так, нам встречалось, что пытаются привязывать Талмуд к «Каббале», понимаемой в эзотерическом смысле; действительно, Талмуд, конечно же, «традиция», но чисто экзотерическая, религиозная и легальная.

25

Отсюда слово qadam означает «нога», то есть то, что служит при ходьбе.

26

El insanul-qadim, то есть «Изначальный человек» на арабском языке является одним из обозначений «Универсального человека» (синоним El insanul-kamil, который буквально значит «Человек совершенный» или всеобщий); что в точности то же самое, что и древнееврейский Адам Кадмон.

27

Любопытно отметить, что Христа называют иногда Востоком; несомненно, это обозначение может быть отнесено к символизму восходящего солнца; но по причине двойного смысла, который мы только что отметили, возможно, что его стоит сближать главным образом с древнееврейским Elohi Qedem, или же выражением, обозначающим в Писании «Древнего Днями», то есть Того, кто есть до дней или Принцип циклов проявления, символически представляемых как «дни» разными традициями («дни Брамы» в индуистской традиции, «дни творения» в древнееврейском Творении).

28

См. выше главу «Каббала»; мы также просим читателей обратиться к статье о «Науке о буквах», которая представляет собою главу VI «Фундаментальных символов священной науки».

29

На этом же основании также можно выступить против намерения привязать исламский эзотеризм к тому же неоплатонизму; только философия у арабов имеет греческое происхождение: и везде, где он встречается, к нему применяется это имя «философия» (на арабском языке falsafah), которое есть как бы знак самого этого происхождения; но здесь речь идет вовсе не о философии.

30

Это можно применить и к сходству выражений, которое мы уже отмечали, между Каббалой и исламским эзотеризмом; здесь следует сделать довольно любопытное замечание относительно этого последнего: его «экзотерические» противники в самом исламе часто стараются обесценить, приписывая ему иностранное происхождение, и под предлогом, что многие из самых известных суфиев были персами, они стремятся увидеть в этом прежде всего предполагаемые заимствования из маздеизма, даже распространяя это безосновательное утверждение на «науку о буквах»: однако не имеется никакого следа чего-то подобного у древних персов, тогда как, напротив, эта наука существовала в совершенно сходной форме в иудаизме, что, впрочем, очень легко объясняется через «сродство», о котором мы упоминали, не говоря уж о более далекой общности происхождения, к чему мы еще вернемся; но по крайней мере только этот факт мог бы придать какую-нибудь видимость правдоподобия идее заимствования, сделанного из до исламского и не арабского учения, и этот факт полностью от них ускользнул.

31

Едва ли есть необходимость говорить о том, что некоторые рассказы, в которых мы видим Моисея или Орфея, получающими также посвящение в храмах Египта, представляют собою простые фантазии, ничего серьезного в себе не имеющие, и чего только не рассказывали о египетском посвящении, начиная с «Sethos» аббата Террассона (Terrasson)!

32

Здесь речь идет о прямом ответвлении; хотя изначальная Традиция является гиперборейской и, следовательно, все без исключения традиционные формы в конце концов связаны с этим началом, есть такие случаи, каков случай древнееврейской традиции, когда это может происходить лишь очень непрямо, а через более или менее длинную серию посредников, что впрочем, весьма трудно было бы в точности реконструировать.

33

Алгебра, напротив, индийского происхождения и была введена на Западе гораздо позже, через посредство арабов, которые и дали ей то имя, которое она все время и сохраняет (el-jabr).

34

См. об этом XXI главу книги «Царство количества и знамения времени», называющуюся «Каин и Авель». Не следует забывать, как мы там указывали, что Соломон для строительства Храма должен был призвать иностранных рабочих, это особо значимый факт по причине самой тесной связи, существующей между геометрией и архитектурой.

35

Напомним в этом отношении, что слово «гематрия» (gematria) (которое, будучи греческого происхождения, как и некоторое число других терминов того же происхождения, было введено в относительно недавнее время, что вовсе не означает, что то, что им обозначается, до этого не существовало), происходит не от «геометрии»(geometria), как это часто полагают, а от «грамматейя» (grammateia), таким образом, речь идет как раз о науке о буквах.

36

Только с пришествием христианства можно найти нечто такое в писаниях на греческом языке, но тогда явно речь идет о переносе данных, происхождение которых древнееврейское; в этом отношении мы имеет в виду, главным образом, Апокалипсис; возможно, здесь также можно было бы открыть что-то того же порядка, что и оставшееся от писаний, связанных с гностицизмом.

37

Даже в символических интерпретациях слов (например, в «Кратиле» Платона) не встречается рассмотрения букв, из которых они составлены; впрочем, также обстоит дело и в нирукта (nirukta) для языка санскрита, и если в некоторых аспектах в индуистской традиции существует буквенный символизм, который даже сильно развит, то он покоится на совершенно отличных принципах от того, о чем здесь идет речь.

38

В этом одна из причин, по которой идея, выдвигаемая некоторыми под предлогом «удобства», писать по-арабски латинскими буквами, является совершенно неприемлемой и даже абсурдной (и Даже не учитывая более случайные трудности иного рода, как например, невозможность установить по настоящему точную транскрипцию, так как не все арабские буквы имеют эквивалент в латинском алфавите). Истинные мотивы, по которым некоторые востоковеды становятся пропагандистами этой идеи, на самом деле, совсем другие, нежели те, которые ими выдвигаются как значимые и Должны искаться в «антитрадиционной» интенции, относящейся к занятиям политического порядка; но это совсем другая история…

39

Мы говорим «опирающийся», потому что в обоих случаях этот символизм, действительно, образует ощутимую «опору» и как бы «тело» науки о числах.

40

Мы постоянно используем выражение «наука о числах», чтобы избежать смешения с профанной арифметикой; возможно, однако, было бы применять такой термин, как «арифмология»; но термин «нумерология» надо отбросить по причине «варварства» его гибридной конструкции; это недавнее изобретение, которым кое-кто, как кажется, предполагает обозначать прежде всего «науку гадания», не имеющую никакого отношения к истинной традиционной науке о числах.

41

«Еврейская Каббала», отчет, появившийся в журнале «Ignis», 1925 г., с. 116, с итальянского переведен Габриелой Пириноли.

42

«La Kabbale juif: histoire et doctrine», 2 vol. in-8° de 520 et 460 p. (E. Nourry, Paris, 1923).

43

Marcel Bulard. Le Scorpion, symbole du peuple juif dans l'art religieux des XIV-e, XV-e, XVI-e siecles. E. de Boccard, Paris.

44

Sir Charle Marston. La Bible a dit vrai. Version francaise de Luce Clarence. Librairie Plon, Paris. Французский перевод Люс Кларанс.

45

1 vol. in-8-0, G. Laterza, Bari. 1931. Эта работа недавно появилась во французском переводе.

46

См.: Заметки о посвящении, глава XL.

47

Это арабское слово по своей форме, но не по своему корню; на самом деле оно происходит от имени Kemi, или Черная Земля, Данное Древнему Египту.

48

А именно, см. «Духовный авторитет и светская власть».

49

Мы этот вопрос рассматривали в работе «Духовный авторитет и царская власть». — Относительно выражения «Царское Искусство», которое сохраняется в масонстве, здесь можно отметить любопытное сходство, существующее между именами Гермес и Хирам (Hermes и Hiram); это, очевидно, не означает, что оба имени имеют общий лингвистический корень; но их построение тем не менее тождественно, а набор HRM, из которого они в основном сформированы, мог бы дать место и другим сопоставлениям.

50

Мы должны подтвердить, что герметизм действительно имеет греко-египетское происхождение и без натяжки нельзя распространять это название на то, что в разных формах ему соответствует в других традициях, как нельзя, например, называть «Каббалой» учение, которое не будет специфически древнееврейским. Без сомнения, если мы пишем на древнееврейском, мы будем говорить qabbalah, чтобы обозначить традицию в целом, так же как при письме на арабском языке мы будем называть tacawwuf посвящение, в какой бы форме оно ни было: но перенесенные в другой язык, еврейские, арабские и т. п. слова должны быть относимы к традиционным формам, соответствующим выражением которых являются их языки происхождения, каковы бы ни были сопоставления или даже ассимиляции, которым они могут дать место законным образом; и ни в коем случае нельзя смешивать определенный порядок познания, рассматриваемый в самом себе, с той или иной специальной формой, в которую она была облечена в определенных исторических обстоятельствах.

51

См. «Человек и его становление согласно Веданте», гл. XXI.

52

Это же сказано в «Rasail Ikhwari es-Safa»: «мир есть великий человек, а человек есть маленький мир» (el-alam insdn kabir, wa el insan alam geghir). Именно в силу этого соответствия определенная реализация в «микрокосмическом» порядке может вызвать в качестве побочного следствия для существа, которое ее достигло, внешнюю реализацию, относящуюся к «макрокосмическому» порядку без того, чтобы к ней специально и ради нее самой стремиться, что мы уже отметили по поводу некоторых случаев превращения металлов в нашей предыдущей главе о «Герметической традиции».

53

Эти две функции посредника Богов и «психопомпа» астрологически могли бы быть соотнесены к дневному и ночному аспектам; с другой стороны, можно также здесь найти соответствие нисходящему и восходящему потокам, которые символизируют две змеи кадуцея.

54

Не следует смешивать это имя Будха (Budha) с именем Будда (Buddha), означающим Шакья-Муни, хотя оба они имеют, очевидно, в принципе, одинаковое значение и к тому же определенные атрибуты планетарного Будха позднее были перенесены на Будду исторического, он представлялся как «просветленный» излучением этой звезды, сущность которой он таким образом воспринял в некотором смысле в самого себя. Отметим, кстати, что мать Будды имела имя Майя-Деви и что у греков и латинян Майя также была матерью Гермеса или Меркурия.

55

Известно, что изменение b в v или в w является лингвистическим феноменом, встречающимся весьма часто.

56

Смотри по этому вопросу нашу работу о «Языке птиц», VII-ю главу из «Фундаментальных символов священной науки», где мы отмечали, что змея противопоставляется или ассоциируется с птицей в соответствии с тем, рассматривается ли она в своем злотворном или благотворном аспекте. Добавим, что такое изображение, как орел, держащий в своих когтях змею (которое встречается как раз в Мексике) напоминает не только об идее антагонизма, который представлен в индуистской традиции битвой Гаруды с Нагами; бывает, а именно, в геральдическом символизме, что змея здесь замещается мечом (замещение в особенности поразительное, когда она имеет форму пламенеющего меча, который сближается помимо прочего с молниями, которые держит орел Юпитера); меч же в своем самом возвышенном значении изображает Мудрость и могущество Слова (см., например, Апокалипсис, 1, 16). — Следует отметить, что одним из главных символов египетского Тота был ибис, уничтожитель рептилий, и в этом качестве он стал также символом Христа; но в кадуцее Гермеса мы имеем змею в ее двух противоположных аспектах, как в изображениях «крылатого змея» средних веков (см. «Царь Мира», глава III, в конце, в сноске).

57

Не следует ли из этого уподобления заключить, что «Книга Еноха» или по крайней мере то, что известно под этим именем, должна рассматриваться как составная часть ансамбля «герметических книг»? С другой стороны, некоторые кроме того отмечают, что свойства Идриса такие же, что и свойства Будды; то, что выше было отмечено, достаточно хорошо показывает, в каком смысле следует понимать это утверждение, которое на самом деле относится к Будхе, индуистскому эквиваленту Гермеса. Речь здесь в действительности должно идти не об историческом Будде, смерть которого является событием известным, тогда как об Идрисе специально говорится, что он был перенесен живым на небо, что хорошо соответствует библейскому Еноху.

58

См. «Царь Мира», глава III.

59

Может быть, в этом следует усматривать корень ошибки, которую совершают некоторые, рассматривая Будду как девятого аватара Вишну; на самом деле речь должна идти о проявлении по отношению к принципу, обозначаемому как Будха планетарный; в этом случае солярный Христос будет собственно Христос в славе, то есть десятым аватарой, тем, который должен придти в конце цикла. — Напомним, в качестве любопытного факта, что месяц май получает свое имя от Майи, матери Меркурия (который называется сущностью одной из планет), которой он был издревле посвящен; однако, в христианстве он стал «месяцем Марии» из-за сходства, которое не является, несомненно, только лишь фонетическим, между Марией и Майей.

60

Вокруг жезла Эскулапа закручивается одна змея, та, которая представляет благотворную силу, так как злотворная сила должна исчезнуть именно потому, что речь идет о гении медицины. — Отметим также отношение этого самого жезла Эскулапа как символа исцеления с библейским символом «медной змеи» (смотри об этом нашу статью о Сифе, главу XX «Фундаментальных символов священной науки»).

61

Говорится, что они должны вновь появиться на земле в конце цикла: это два «свидетеля», о которых говорится в XI-й главе Апокалипсиса.

62

Он воплощает в некотором роде природу «философского огня», и известно, что, согласно библейскому рассказу, пророк Илия был вознесен на небо в «огненной колеснице»; это сопоставимо с пламенеющей повозкой (тайджаса в индуистском учении), которая в человеческом существе соответствует тонкому плану. (См. «Человек и его становление согласно Веданте», глава XIV).

63

См. «Человек и его становление согласно Веданты», глава I. Напомним также о соответствии Солнца с золотом (с точки зрения алхимии), называемом в индуистской традиции «минеральным светом»; «годное для питья золото» герметистов, к тому же, есть то же самое, что и «напиток бессмертия», который также называется «золотой жидкостью» («жидким золотом») в даосизме.

64

См. «Символизм Креста», глава IX.

65

Едва ли стоит отмечать, что случай ритуального захороненных книг в настоящей гробнице ничего общего с этим не имеет.

66

Обо всем этом иногда встречаются странные и почти совершенно фантастические утверждения; так в «Оккультном журнале» («Occult Magazine»), органе H. B. of L., мы обнаружили упоминание о «78 пластинах Книги Гермеса, которая покоится захороненной в одной из Пирамид» (декабрьский номер за 1885 год, с. 87); здесь явно речь идет о Таро, но оно никогда не представляло Книгу Гермеса, Тота или Еноха, как это встречается в некоторых очень недавних концепциях, и оно является «египетским» в той же самой мере, что ж Цыгане, которым они тоже дают это имя. Об H. B. of L. Смотри нашу книгу «Теософизм».

67

Другая версия, уже не арабская, а коптская, относит происхождения Пирамид к Шедеду или Шеддаду (Shedid и Sheddad), сыновьям Ада (Ad); но мы не представляет, какие из этого можно извлечь следствия и, как кажется, этому не следует придавать слишком большое значение, так как, исключая тот факт, что речь здесь идет о «гигантах», не ясно, какой символический смысл это могло бы привнести.

68

Смотри нашу статью о Сифе, главу XX «Фундаментальных символов священной науки». Агатодаймон греков также часто ассоциируется с Кнефом (или Нефом, Kneph), также представленным змеей в соединении в «Мировым Яйцом», что всегда соотносится с тем же символизмом; что же касается Какодаймона (Kakodaimon), злотворного аспекта змеи, то очевидно, что он ассоциируется с Сетом-Тифоном египтян.

69

Указывают различное число этих книг, и во всех случаях, это могут быть только символические числа; впрочем, это имеет лишь Довольно второстепенное значение.

70

Само собой разумеется, это вовсе не означает, что строительство Пирамид должно быть буквально им приписано, но лишь только то, что оно могло быть «фиксацией» традиционных наук, которые соответственно соотнесены с ними.

71

Идея, что Великая Пирамида существенно отличается от двух других, является, кажется, довольно недавней; говорят, что халиф эль-Мамун, пожелав узнать, что находится в Пирамидах, решил одну раскрыть; это оказалась Великая Пирамида, но он, возможно, не, что она должна была абсолютно отличаться от других.

72

Наряду с правильной формой Гермес встречается также у некоторых авторов форма Армис, что, очевидно, является искажением.

73

Hikam является множественным числом от hikmah, но обе формы, единственного и множественного числа, одинаково употребляются в смысле «мудрости».

74

Может быть было бы любопытно отметить, что слово muthalleth означает также треугольник, ведь здесь можно найти определенную связь, без насилия над смыслом, с треугольной формой сторон Пирамиды, которая должна быть определена мудростью тех, кто создавал ее планы, не считая уже того, что треугольник кроме того связан с символизмом «Полюса», а с этой последней точки зрения становится очевидным, что сама Пирамида есть, в результате, не что иное, как один из образов «Священной Горы».

75

Легко понять, что все это находится уже очень далеко от изначальной Традиции; надо ли специально указывать, что она является общим источником двух частных традиций, поскольку она есть с необходимостью общий источник всех традиционных форм без исключения. — С другой стороны, можно было бы сделать вывод (относительно последовательности трех Гермесов в той мере, в какой это может иметь какое-то хронологического значение), что халдейская традиция является предшествующей по отношению к египетской.

76

По ходу рассмотрения этого предмета, отметим еще одну современную фантазию: мы уже говорили, что некоторые придают особое значение тому факту, что Великая Пирамида никогда не была закончена; действительно, вершина отсутствует, но единственное, что можно с уверенностью сказать по этому поводу, это то, что как самые древние, свидетельствовавшие об этом, так и относительно недавние авторы, всегда видели ее усеченной, каковой она является и сегодня. Поэтому считать, что это отсутствующее завершение соответствует «краеугольному камню», который отбросили строители, о котором говорится во многих местах Библии и Евангелия, поистине слишком неточно, тем более что, согласно многим, гораздо более аутентичным традиционным данным, камень, о котором идет речь, вовсе не был «пирамидным», а скорее «замковым» (Keystone), и если он и был «отброшен строителями», то теми, кто были посвящены только в Square Masonry и не знали о тайнах Arch Masonry. — Довольно любопытно, что на печати Соединенных Штатов изображена усеченная Пирамида, над которой имеется лучащийся треугольник, который, будучи отделенным и даже изолированным кругом окружающих его облаков, кажется чем-то таким, что замещает вершину; еще в этой печати, из которой некоторые «псевдо-инициатические» организации немного подозрительным способом стараются извлечь для себя пользу, есть не менее странные детали: так число слоев Пирамиды, коих здесь тринадцать, считаются соответствующими числу племен Израиля (считая отдельно два полу-племени сыновей Иосифа); это, может быть, имеет какое-то отношение к реальным корням некоторых современных бредней, касающихся Великой Пирамиды, старающихся сделать из нее, как мы уже говорили выше, нечто вроде «иудео-христианского» памятника.

77

Enel. Les Origines de la Genese et l'enseignement des Temples de l'ancienne Egypte. Volume 1, 1-re et 2-e parties. Institut francais d'Archeologie orientale, Le Caire.

78

Enel. A Message from the Sphinx. Rider and Co, London.

79

Xavier Guichard. Eleusis Alesia: Enquete sur les origines de la civilisation europeenne. Imprimerie F. Paillart, Abbeville.

80

Noel de la Houssaye. Les Bronzes italiotes archaiques et leur symbolique. Editions du Trident, Paris.

81

Noel de la Houssaye. Le Phoenix, poeme symbolique. Editions du Trident, Paris.

82

Lettres d'Humanite, tome III.

83

Lettres d'Humanite, tome IV.

84

Georges Dumezil L'Heritage indo-europeen a Rome. Gallimard, Paris.